

Ольга
Аникина

**БЕЛАЯ
ОБЕЗЬЯНА,
ЧЁРНЫЙ
ЭКРАН**

ЛИМБУС ПРЕСС

Ольга Аникина

Белая обезьяна, чёрный экран

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66552820

Белая обезьяна, чёрный экран:

ISBN 978-5-8370-0896-2

Аннотация

Главный герой романа Юрий Храмцов, юность которого пришлось на период крушения советской империи, работает врачом. Он спасает других и пытается противостоять тем подлостям, что то и дело подсовывает ему судьба, но главная угроза, с которой он борется всю жизнь – страх сойти с ума, и для этого страха у героя есть причины. Пережив эмоциональный срыв, Храмцов попадает в психоневрологический диспансер, где встречает старшего коллегу, пожилую женщину-профессора, которая становится его помощником и наставником. Из терапевтических бесед и переписки двух врачей построено повествование романа.

Содержание

Моя первая беседа с Э. Д	18
Задание 1	24
Моя вторая беседа с Э. Д	33
Задание 2	42
Моя третья беседа с Э. Д	47
Задание 3	48
Отметка карандашом на полях	58
Задание 4	59
Четвёртая моя беседа с Э. Д	78
Задание 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ольга Аникина

Белая обезьяна, чёрный экран

3 марта 2023 г.

...Дзынь! Ку-ку. Дзынь! Ку-ку.

Если в доме на стене висят часы с кукушкой, значит, этому дому много лет. В современных квартирах не бывает таких часов.

Наверное, и время в этих квартирах течёт совсем по-другому. Гораздо быстрее. А в нашей – медленно.

Кукушка, отсчитав последний положенный час, ныряет обратно, в темноту. Представляю себе часы изнутри: вижу тёмный маленький коробок, где ютится гладкое, покрытое тусклым лаком птичье тельце. К нему плотно прижата игрушечная головка, плотно сложены крылья, крепящиеся на кольчатых пружинах. Клюв закрыт, птица неподвижна, она спит или слушает отголоски слабых вибраций собственного крика. Шестерёнки и стрелки отрезают ровные промежутки секунд, секунды сыплются на пол, словно обломки. Мы поднимаем гирьку маятника каждый день в одно и то же время. Чтобы получать секунды, часы и дни, надо «кормить» кукушку.

Через полчаса мне нужно готовить еду для другой моей

подопечной. Днём – полдник, кисель. Вечером – толчёный картофель и мясное пюре. Утром – каша. Строго по расписанию.

Прохожу на кухню, включаю чайник. Эмалированный, со свистком. Бывает, чайник пересвистывается с кукушкой, и я очень этому рад. Хорошо, когда у тебя есть собеседник. Бывает так, что гудение, свист и кукование – важнее слов. Наполненной, чем слова.

Прохожу обратно в комнату. Звуки: кукушка, чайник, мои шаги. Ещё будет стук клавиш. Так, так, так. Тихий, щёлкающий звук. Печатные машинки перевелись, вымерли – но мне больше нравится, как стучит клавиатура компьютера. На компьютере печатать может кто угодно, и текст может быть каким угодно. Дневник, переписка или финансовый отчёт. А могут быть такие записи, которые веду я.

Меня зовут Юра. Юрий Иванович Храмов. Раньше я был врачом, а сейчас работаю сиделкой. Сидельцем. Ухаживаю за тяжёлыми больными. Меняю памперсы, мою своих подопечных, кормлю. Делаю всё, что должен уметь хороший медбрат, и плюс к тому – если больной собирается вдруг помереть, оказываю ему экстренную помощь. Работаю в этой сфере всего три года, однако в своей области я спец. Ещё не старик, но ни на какую другую работу уже не соглашусь. Поэтому что я здесь не случайно, и я буду здесь, пока нужен.

Не подумайте, что я в свои пятьдесят бросил работу по специальности, опустил, деградировал. Всё случилось со-

всем не так. Я не одинок, хотя старый друг и бывшая жена со мной почти не общаются.

Ложечка позвякивает о края чашки. Пить несладкий чай так и не научился. Размешиваю в нём пол-ложки мёда. Удивляюсь: сейчас можно выбрать любой сорт и мёда, и чая. Однажды я попробовал чайное пойло со вкусом дыма. Пьёшь его – и кажется, что жуёшь головешку из костра. А в детстве у нас было только два вида чая. Считалось, что в жёлтой пачке со слонем хранится самый лучший и самый душистый чай номер один. Но были ещё зелёные бумажные упаковки, был цейлонский – однако до девяностых в нашем доме он не водился. Я всегда был неприхотлив, потому что моё детство пришлось на период, когда достать хорошие продукты было нелегко.

Кисель согрелся, но подопечная спала, и я не стал её будить. «Проснитесь, выпейте снотворное». Когда я работал врачом, всегда морщился, слыша подобные остроты. Нет. Не разбужу. Пусть поспит.

В доме уже несколько дней холод. Что-то с батареями отопления. Для старых домов обычное дело. Звонил в ЖЭУ – сказали, что на первом этаже, в пустующей квартире, прорвало трубу. Нужно утепляться, жечь электричество. От местного обогревателя в комнате сохнет воздух. Ночью подопечная кашляла. Я испугался: может, это вирус? Поставил у изголовья кровати банки с водой. Купил в аптеке морской спрей. Сделал ей две-три ингаляции. Кашлять перестала.

Притащил из дома обогреватель, масляный, тяжёлый. Если включить его на полную мощность, другие электроприборы лучше не трогать – вышибет пробки. Вот и греемся как можем. Мне-то ещё ничего. Я могу ходить из комнаты в комнату, закутавшись в одеяло. Могу литрами пить чай с мёдом. Отжаться от пола пятнадцать раз – вполне ещё могу.

Поменял ей грелку, подложил под ноги. Прикоснулся к кончику её носа. Так мы щупали нос Сашке, когда он в младенчестве спал в коляске на улице. Отличный способ проверить, не замёрз ли ребёнок. Вроде бы нос у неё был тёплый, но я притащил из соседней комнаты ещё одно одеяло. Чем хороши квартиры стариков – в них всегда неограниченное количество подушек и одеял.

Ничего, скоро потеплеет. Так я зимой всегда утешаю сам себя. А нынче март. Пусть даже холодный месяц, но март – уже весна. Все, кто доживает до весны, могут чувствовать себя героями. Нет ничего стыдного чувствовать себя героем. Это не гордыня. Это – предчувствие праздника. «Человек создан для счастья». Я уже совсем по-другому понимаю эту фразу. Я наконец додумался до её смысла. Смысл в том, что человек, появившись на свет, всю жизнь учится быть счастливым. Поначалу кажется: речь о свободе действий или свободе ощущений. Бывает, приходишь к выводу: дело в количестве вещей, которыми ты можешь управлять. Иногда пытаешься перевести неясное чувство в более материальный эквивалент, например в деньги. Порой радуешься, когда на-

ходишь в себе силы от всего отказаться. Сперва я отождествлял счастье с самим собой: с собственной силой, собственным разумом, с собственной любовью. Набивал своё «я» доверху, пока оно не лопнуло по швам.

Потому что не может быть счастье внутри человека. Всегда оно где-то снаружи. Иначе бы человек не родился для него.

Мой график работы в последний год – довольно стабильный: два через три. По выходным я тоже целыми днями занят: разбираю архив, который принадлежит не кому-нибудь, а профессору В., знаменитому психиатру. Несколько раз в неделю прихожу в квартиру его дочери. Присматриваю за помещением, раз в полгода вызываю уборщиц. Клининг-службу, так теперь принято называть.

Обхожу комнаты. Открываю и закрываю дверцу шкафчика из карельской берёзы. Касаюсь жёлтого абажура с китайскими драконами; он поразительно быстро собирает на себя пыль. Долго стою перед репродукцией картины, знакомой с детства, и каждый раз поражаюсь, как удалось художнику передать фактуру полупрозрачной ткани ягод-виноградин, сквозь которые просвечивает южное солнце.

Но основная моя работа – архив. Архив огромен: всё кладовое помещение (Э. Д. называла его «подсобка») забито стоящими друг на друге чемоданами. Архив самого профессора – чемоданы, обшитые драным сукном, или советские, с металлическими заклёпками. Архив дочери – дешёвые тка-

невые сумки, забитые бумагами картонные ящики из ИКЕА, а ещё – бумажные папки с надписью «Дело №», связанные шнурками.

Моя задача – отделить научные статьи от обычных заметок, дневники – от писем. Разложить по категориям: что-то на продажу, что-то перепечатать и оформить в виде книги. Копии историй болезни самых интересных пациентов я складываю в отдельную стопку. Никто лучше меня не смог бы это сделать. Ведь я – бывший врач и бывший пациент.

Доктора Давыда Осиповича В. называют светилом отечественной психиатрии. Но для меня важно не это. Я очень многим обязан семье профессора и ему самому. Никогда не знал его лично, и так уж получилось, что знакомился я с ним по мере расшифровки его записей. Но теперь, когда архив почти полностью мной разобран и изучен, могу с уверенностью сказать, что вся моя жизнь как есть строится на его философии, взглядах и вере. Он дал мне опору, такую, на которую я в своё время не мог и рассчитывать. Она прочнее человеческого разума, она способна противостоять ужасу пережитой вины и грядущему беспросветному одиночеству.

В одной из картонных «икеевских» коробок год назад ещё я обнаружил мою собственную историю болезни. Никакой потрясающей информации я там не нашёл: стандартная схема назначения препаратов, дневник наблюдения с пунктуально прописанными значениями пульса, давления, температуры тела. Копия документа, похожая на многие другие.

Но меня повергли в трепет аккуратно сброшюрованные распечатанные листы А4, заполненные мелким текстом, с редкими карандашными пометками на полях. Э. Д., которая делала пометки, относилась к тексту со всей возможной деликатностью, каким бы корявым ни было моё повествование. Э. Д. – человек, которого я уважал и любил.

Листы были напечатаны почти четыре года назад, во время моей болезни. Автор текстов – я сам. Писал я их по заданию Э. Д. Сейчас, переступив определённый временной и духовный рубеж, я даже наедине с самим собой порою испытываю чувство неловкости, вспоминая тот период своей жизни. Но именно такой путь и был мне предназначен. Душевная болезнь – не тот диагноз, которого я сейчас боюсь. Малодушие – это когда у человека мало души. Вот чего я страшусь на самом деле. Мало души, и человек не может заполнить ею всё своё счастье и всё горе. Примерно то же происходит, когда нужно сделать важную покупку, а денег в обрез. И потом оказывается, что по дешёвке ты купил совершенно ненужную вещь.

Я счёл правильным поднять собственные записи и восстановить их последовательность. Я соединил в правильном порядке не только заметки, найденные в архиве семьи доктора В. Довольно много текстов тех лет было скопировано в мемори-банк моего домашнего компьютера и лежало там по сей день. За эти годы я ни разу не возвратился к ним. Не исправил в них ни строчки. Может быть, боялся боли. Но по-

завчера, когда я перебирал страницы, пробитые дыроколом и скреплённые скобами пластиковой папки, мой взгляд пробежал по знакомым строчкам, и сердцу было легко.

Добавил к заданиям Э. Д. куски из файлов, где записывал мысли, не имеющие отношения непосредственно к истории моей болезни. Или те абзацы, которые я по той или иной причине не захотел показать Э. Д. Может быть, в своё время я счёл их неважными, но всё равно сохранил. Эти страницы дороги мне тем, что в них очень много воспоминаний про маму Надю: пожалуй, именно их я стеснялся раньше. Будучи взрослым мужчиной и отличным специалистом в своём деле, я считал нелепым постоянно возвращаться к детским переживаниям. Но, записав их в текстовом редакторе, я как будто от них освободился и многое позабыл. Просматривая эти файлы сейчас, я нахожу там массу интересного.

Представленные здесь заметки нельзя читать, не добавив к ним важную составляющую: наши разговоры с Э. Д. Конечно, я восстанавливал их по памяти. Не приукрашивая, записывал всё, что вспомнилось. А вспомнил я не много. Надеюсь, тогда, когда я пытался воспроизвести её реплики, моя собеседница находилась со мною рядом и правила текст. Даже не надеюсь, а уверен в этом. Некоторым образом моя история – дань уважения и любви к Э. Д. Она, безусловно, знала обо мне больше, чем я сам.

Мои тексты не являются обычным сборником интересных врачебных историй, притом, что почти каждая ситуация,

описанная мной, содержит в себе довольно любопытный медицинский случай. Также я не хочу, чтобы мои небольшие рассказы читались как «записки сумасшедшего». Хотя некоторое время назад я, безусловно, был им. Вернее сказать, моя нервная система надорвалась под тяжестью постоянного ожидания подступающего ко мне ужаса, я был измучен одиночеством и чрезмерной, требующей повышенной ответственности работой. В те годы я пытался брать определённую высоту, и делал это только затем, чтобы, приземлившись, разбиться насмерть. Моё состояние казалось мне чем-то уникальным.

Но сегодня я знаю, что каждый человек, которого я встречаю на улице, когда-нибудь в жизни переживает такое. Такое или что-то не менее горькое и мучительное. Теряет землю под ногами, хватается воздух посиневшим ртом. А потом делает вдох. В этом вдохе – вся жизнь. Это и есть способ дожить до весны.

5 марта 2023 г.

Когда я познакомился с Э. Д., я работал диагностом, и пусть моё дело было невеликим, но всё-таки оно играло важную роль в непрерывном больничном конвейере: от меня требовалось поставить правильный диагноз. Сама профессия диагноста предполагает некое подчинённое положение. Альфа-самцы от медицины, например хирурги, не считают нас за врачей, ведь мы мало что можем без своей аппарату-

ры. Мы не назначаем лекарств, не держим в руках скальпель. Но умение видеть стоит того. Даже не видеть, а разглядывать детали, фиксировать малейшие изменения. Например, очень здорово разглядывать кукушку, сидящую внутри настенных часов, когда никто другой её не замечает.

Но в детстве, когда меня спрашивали: «Кем ты хочешь стать?» – я говорил: «Хозяином музея». У мамы Нади в доме стоял шкаф, снизу доверху забитый разными художественными альбомами, которые сама она пролистывала крайне редко. Там было всё, от тяжёлых талмудов «Всеобщей истории искусств» до бесчисленных каталогов Государственного Эрмитажа и книжек, купленных на маленьких выставках. Много финских открыток и брошюр; наверное, выставки финских художников проходили в Ленинграде чаще других. До сих пор помню отдельные репродукции, и ярче всего – ужасных героев Хуго Симберга, от которых я не мог отвести глаз: злобных мальчиков, похожих на маленьких гробовщиков, и полумёртвого ангела на носилках. Помню старуху с круглым брюхом и старым обветренным лицом. Особую лютость её лицу придавала выпяченная нижняя челюсть. Перед старухой сидела кошка, такая же облезлая и старая. Я смотрел и смотрел на них, не отрываясь: вот бабка сейчас наклонится к кошке и свернёт ей шею. Старуха застряла в моей памяти не случайно. Когда мама Надя внезапно и рано постарела, она и старуха стали выглядеть как родные сёстры. Просто удивительно, с какой школярской небрежностью приро-

да перелицовывает людей, которые вдруг становятся отработанным материалом. Может быть, и мамино настоящее лицо, и лицо старухи с выпирающей челюстью носит сейчас кто-нибудь другой.

Ни в какие музеи я с мамой Надей почти не ходил. Думаю, моё присутствие на экскурсиях сильно ей мешало. По-моему, она использовала возможность этих прогулок всего лишь с одной целью: ей очень хотелось с кем-нибудь познакомиться. Но если ей и удавалось подцепить ухажёра, то он сбегал от нас через неделю. От выставки оставался только каталог, и он сразу же получал прописку на полке книжного шкафа, без гарантии быть пролистанным мамы-Надиными руками.

Имелась ещё одна причина, по которой мама Надя предпочитала ходить по музеям без меня. Я очень боялся людных мест, да и сейчас ещё этот страх не изжит. Человеческий термитник вызывает во мне необъяснимую тревогу. Как только мама Надя заметила, что я, попадая в толпу, пугаюсь и перестаю слышать даже собственное имя, она решила запирать меня дома.

Сначала, пока мы жили в коммуналке, за мною присматривали соседи. Рядом с нами обитали две старухи и одна семейная пара с ребёнком. В задачу соседей входило заглядывать ко мне в комнату и проверять, чем я занят. В обеденное время появлялась мама Надя. Она кормила меня едой, которую приносила из больничной столовой, и снова исчезала. Больница располагалась в пяти минутах от дома. Еда

была невкусной, но разнообразной, и доставалась маме Наде бесплатно. Я не протестовал, давился и съедал всё, что мне накладывали в тарелку. Оставлять куски не разрешалось.

«В Ленинграде еду не выбрасывают», – говорила наша соседка по коммуналке, и никто ей не возражал, потому что старуха была глухая.

Когда подошла очередь на квартиру, мы перебрались в однокомнатную хрущёвку на улице Верности.

Но в сад я так и не пошёл, поскольку без конца болел. До школы оставался всего год. Мама Надя решила: будет лучше, если я проведу этот год дома.

Уходя на работу, она запирала меня в комнате. Телевизора тогда у нас не было, зато часами я мог пялиться в окно. Жили мы на четвёртом этаже, и закутки нашего двора просматривались так же отчётливо, как узоры на ковре в маминной комнате. Я наблюдал: вот люди входят в двери парадных и выходят наружу, вот пацаны из дома напротив доламывают старые качели. Вот бабушка моего злейшего врага Ромки кормит приبلудную кошку.

Может, мне было скучно, но я этого не понимал. У одиночества имелся огромный плюс: все богатства маминого книжного шкафа доставались только мне одному. Картины были куда интереснее, чем иллюстрации в детских книжках. Кроме того, в художественных альбомах попадалась даже обнажённая натура, которая уже тогда сильно волновала моё воображение. В общем, я стал настоящим хозяином музея.

Ещё помню альбомы с чёрно-белыми гравюрами. Особенно впечатляли «Гротески» и «Тюрьмы» Пиранези. Головокружительные анфилады и полуразрушенные лестницы, перетекающие друг в друга. Скованные цепями стены, циклопических размеров колонны и потолки, нависающие над пространствами. Казалось, что комнаты, словно каменные рыбы, заглатывают попавшего туда человека. Складчатые желудки раскачивались надо мной даже тогда, когда я отводил взгляд от рисунка.

Я закрывал книгу совершенно измученный.

Гипнотическое воздействие чёрно-белых линий, наверное, и привело меня в УЗИ-диагностику. Когда я работал на сканере, мне казалось порою, что я вижу, как устроено время. Оно серое и колышется. На самом узком поле экрана своего чёрно-белого УЗИ-сканера я различал мельчайшую градацию серой шкалы, и в тот момент, когда цвет превращался в мысль, мой луч работал точнее, чем самые острые скальпели. Мне казалось, что я вижу объект насквозь – это облекало меня особой властью.

Мне нравилась и моя обособленность, ставшая не только частью работы, но и жизненной привычкой. Никогда меня не тянуло протирать штаны в ординаторских. В большой компании мне становилось тошно, я тупел. Не потому, что я считал других идиотами. Я полагал, что люди, если хотят быть частью общества, вынуждены демонстрировать только самые элементарно устроенные свойства собственной лич-

ности. Например, умение есть вкусную пищу с видом знатока. Или болтать о сексе. По молодости мне, как и большинству моих знакомых, приходилось посещать разного толка сборища помимо собственной воли. Прошли годы, и, проведя в людных местах свой срок, я понял, что имею право уйти на воображаемую пенсию и посылать куда подальше всех тех, кто меня раздражает.

Именно эта черта передалась от меня Сашке. Его никогда никто насильно не запирали одного в комнате. Ему было открыто любое помещение. Но меня поражала его привычка самостоятельно закрывать за собой дверь детской, умение отвоёвывать территорию в детсадовской группе, создавать вокруг себя вакуум, сквозь который невозможно было пробиться, если ребёнок не хотел никого видеть. Он с самого рождения умел то, к чему я пришёл годам к тридцати.

Моя первая беседа с Э. Д

2019

Стукнула дверь. Кто-то вошёл в мою палату.

Я лежал на койке одетый, поджав ноги к животу. Глаза мои были закрыты.

От меня осталась только оболочка. Так бывает, когда в комнате после пожара остаются пустые обгорелые стены. Любое действие, будь то чистка зубов, дорога в сортир (четыре шага от кровати и четыре обратно) или ответы на вопросы – всё давалось мне путём преодоления мучительной слабости. Чтобы произнести слово, усилием воли я заставлял себя собирать все оставшиеся ресурсы. Люди, приходившие в мою палату до Э. Д., пытались разговаривать со мной. Второй день я ничего не ел. Я чувствовал, как жизнь уходила из меня холодными невидимыми потоками: от ключиц, вдоль по рукам до самых пальцев она стекала на больничный линолеум.

Но жаловаться было не на что: я содержался в идеальных условиях. Судя по всему, за меня хорошо попросили. Предоставили отдельную палату с удобствами. За окном располагался больничный двор-колодец; противоположная сте-

на была выкрашена, как и положено в нашем печальном городе, в бледный лимонный цвет, на ней виднелись окна, похожие на моё, а между ними – словно издевательство – обозначались элементы декора: облупленный и выкрашенный заново портик, рельефные балясины. Для Петербурга – вид из окна самый обычный. Если бы не решётки на всех окнах.

Вошедшая в палату пожилая женщина в белом халате поздоровалась со мной, придвинула стул и села.

Седые, убранные назад волосы. Смуглая морщинистая кожа. Руки с тёмными пятнами на кистях. Жемчужная булавка под воротничком.

Для меня она была ещё одним жандармом. Я не собирался её приветствовать.

– Как чувствуете себя?

– Хуже некуда.

– Ваш начальник Андрей Николаевич договорился подержать вас тут некоторое время, пока не уляжется ситуация.

– Ах да. У меня же есть покровитель. Как я мог забыть.

– Появляться на работе нельзя. И возможно, вам в скором времени понадобится медицинское освидетельствование.

– И что вы мне влили? От чего лечите?

– Официальный диагноз ваш звучит как острое обсессивно-компульсивное расстройство¹. Нужно же мне было хоть

---

¹ *Обсессивно-компульсивное расстройство* – психическое расстройство, которое проявляется сочетанием двух взаимно обуславливающих составляющих: комплекса нежелательных мыслей и страхов (обсессивность), которые приводят к патологически цикличным действиям (компульсивность).

что-то написать в вашей истории.

– И всё?

– Пока всё. Не делайте такое удивлённое лицо. Против вашей воли вас никто лечить тут не будет.

– Ага, не будете. Как же. Накачаете меня каким-нибудь галоперидолом, чтобы я валялся, как этот... как его. На грядке... Давайте, давайте. Всё равно мне туда дорога.

– Нет. Пичкать вас препаратами нет нужды.

– И зачем вы тогда ко мне явились?

– Будем разговаривать.

– Я не верю во все эти штуки. В психологию, в психоанализ. В бога тоже. Говорю, чтобы у вас было основание меня выпроводить. Или обколоть.

– Сказать честно, я сама с трудом верю в такие вещи, как психоанализ. Тем интереснее моя работа.

– Как можно заниматься тем, во что не веришь?

– А результат?

М о л ч а н и е

– Так и будете лежать?

М о л ч а н и е

– Вы хоть бы сели. Всё-таки я вас намного старше, и я женщина.

М о л ч а н и е

– Вот так-то лучше.

– Давайте прекратим.

– Не могу.

– Осточертели вы мне.

– Мы с вами коллеги. Мы врачи. И вы тоже не бросаете задачу, пока её не решите.

– Это моё личное дело.

– Теперь ещё и моё.

– Терпеть не могу чужих.

– Давайте поговорим, и я перестану быть для вас чужой.

– О чём нам с вами разговаривать-то?

– Расскажите про что угодно. Хотя бы про вашего первого пациента.

– Не помню.

– Тогда про второго.

– И того не помню.

– А того, которого вы лечили лет двадцать назад, помните? У нас у всех со времён ординатуры много занимательных историй и встреч.

– У нас в ординатуру попадали только... непростые ребята, очень. Или богатые.

– Моя ординатура досталась мне именно так, по блату. Мои отец и дед были известными психиатрами. А прадед – ну, назовём его священнослужителем, это будет ближе к истине. Так что вы оканчивали?

– Первый мед, конечно. Был интерном. Потом работал в реанимации.

М о л ч а н и е

– Есть какое-то препятствие, которое мешает вам со мной говорить?

– Кажется, есть.

– Поясните.

– Чёрт... Не знаю. Не могу сказать ни точно, ни приблизительно. Куда-то пропадают все слова. И всё вокруг – словно через мутное стекло.

– И всё-таки вы довольно точно описываете своё состояние.

– Это даётся нелегко.

– Поработайте ещё немного. Можно и не говорить.

– А чего вы от меня хотите, чёрт побери?

– Напишите.

– Зачем? У меня нет такого дарования!

– Будет легче. Запишете – сможете подумать, исправить.

Отыскать слово.

М о л ч а н и е

– Попробуйте. Всё равно тратите время даром. Лучше записать историю, чем пить препараты.

– Давно не писал от руки. Уже и забыл, как это.

– Компьютеры в отделении запрещены. Забываете слова? У меня много словарей. Если хотите, завтра принесу.

– Ничего у вас не выйдет.

– А у вас выйдет. Напишите историю. Про вашего первого пациента. Того, которого вспомните, о ком захотите рассказать.

– Не знаю.

Задание 1

В первый раз

*Из коробки № D-47/1-ЮХ
1995 г.*

Наутро в отделении всё уже было как обычно.

Стояла тишина: тревожная, душная, кисловатая. Рита ушла в сестринскую и, наверное, спала. А я не спал. Бродил по палате, собирался выйти покурить на улицу. Не дойдя до лестничной клетки, разворачивался. Возвращался в палату и садился за стол.

К двум койкам возле правой стены я подходил ночью раза три; мониторы показывали, что на этом маленьком островке всё спокойно и планоно. Именно этих больных сегодня отгрузят в первую хирургию, ведь по меркам ОРИТа² они считались уже практически здоровыми.

Бабка у окна храпела. Катетер торчал из её бёдер, как стебель из листьев. Всю ночь бабка металась и вопила, словно мозг её был яснее ясного, словно она понимала всё происходящее, – то ли звала кого-то на помощь, то ли прогоняла.

У «моей» пациентки аппарат ИВЛ шарашил будь здоров, поршень ходил вверх-вниз, гармошка растягивалась и сжималась. Сатурация девяносто шесть. Вот то-то же.

---

² ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии.

После общей летучки заведующий Виктор Семёнович обходил реанимационные палаты. Я передал смену и мог уйти, но болтался в отделении. Я ждал. От нечего делать начал строить башенку из коробочек с ампулами. Неловко повернувшись, нечаянно задел стойку, и флаконы зазвенели. Заведующий обернулся на шум.

– Что, коллега, судя по всему, ночка была образцово-показательная, – чуть улыбаясь губами с синими жилками, сказал он.

Я развёл руками и, кажется, тоже улыбнулся. Виктор Семёнович взял со стола потрёпанную историю болезни и начал её листать.

– Было проведено... Закрытый массаж, ну-ну. Де-фибриляция, интубация, атропин, – вслух читал он. – Хм, ну, допустим. Адреналин тебе тогда зачем, если сердце уже завёл? – заведующий оторвался от чтения и поднял на меня глаза.

– Виктор Семёнович, так схема же стандартная... – ответил я быстро, как на уроке.

Он кивнул и снова заглянул в историю.

– Реанимационные мероприятия можно считать результативными, – читал он, водя ручкой по строчкам. – Давление девяносто на шестьдесят, сатурация девяносто восемь, пульс восемьдесят два.

Я молчал.

– Ну что, поздравляю, – сказал заведующий. – Не прошло

и полугода, как боевое крещение состоялось.

– Да уж... – пробормотал я.

Заведующий внимательно посмотрел на меня и сел за стол.

– Сделал всё как по писаному, – сказал он, доставая из нагрудного кармана авторучку. – В целом отличная работа.

И замолчал. Мне показалось, что сказано было всё... да не всё.

Я вопросительно смотрел на заведующего, и тот сообщил наконец:

– Старая примета, не обращай внимания. Считается, если первая реанимация в жизни дежуранта прошла без сучка и задоринки, то абстрактный молодой специалист, – заведующий кивнул в мою сторону, – тот, которому повезло в первый раз, неправильно выбрал профессию.

– Почему?

– Ну, вот так, – заведующий махнул рукой. – Не бери в голову, – он кивнул на металлический столик, где возвышалась моя пирамидка из коробочек.

– И убери уже свой зиккурат, – сказал он раздражённо. – Каждый день вижу это безобразие. В детском саду, что ли?

Я постоял посреди палаты. Потом подошёл к своей башенке, посмотрел на неё, подумал и сверху аккуратно водрузил флакон просроченного пенициллина с присохшим к стенкам желтоватым содержимым.

Направился в ординаторскую. Долго там переодевался,

перекладывал вещи. Потом вышел и снова вернулся – забыл пейджер в кармане халата.

В дверях столкнулся с Андрюхой. Грачёв только что заступил на дежурство. Он поглядел на меня и присвистнул:

– Ну здорово, Иисус Христос, воскреситель мёртвых.

Я похлопал его по плечу и попробовал протиснуться наружу. Но не тут-то было.

– Да ладно тебе! Ну вколол и вколол. Всё нормально, Юрка, слышь?

Я кивнул.

– Что, большой косяк? – спросил я, понижая голос и высвобождаясь из огромных грачёвских лап.

Грачёв пожал плечами.

– Да ну, какой косяк... – ответил он тоже тихо.

И добавил монотонно:

– Ты кроме адреналина ещё много всякой ненужной фигни вколол.

Я попытался возразить, но Андрюха отмахнулся.

– Всё равно не парься. Тётка жива? Жива. Победитель всегда прав, – Андрюха включил чайник и достал из тумбочки пачку пакетированного чая. – Чем меньше вмешательство, тем оно правильнее. Меньше вколол – больше помог. Ты ж на неё, беднягу, пол-аптеки угрохал. Лекарств и так нет ни хрена.

Я оставил Грачёва наедине с его завтраком, а сам пошёл по коридору к лифту. «Меньше помог – больше вколол», –

повторял я про себя.

Выходя из дверей корпуса, я увидел, что сжимаю в руке дурацкий пейджер. В своё время я был очень доволен, купив его по дешёвке. Прицепил пейджер к ремню на брюках, пошёл вниз по лестнице и выскочил наружу, где на улицах города вовсю уже бушевал шумный горячий день, один из последних тёплых дней длинной северной осени.

.....

– Меня нет! Ме-е-ня не-е-ет!!!

Мама Надя кричала. Я представлял, как она стоит, вцепившись в подоконник, и держится только за собственный крик. Видел её лицо, сморщенное и красное.

– Умерла-а! – вопила она. – Сдо-охла я-а-а-а! Юрка голодом смори-и-ил!

Я слышал её крик, кажется, от самой остановки. А может, ещё и в метро слышал, как она захлёбывается и давится страхом и пустотой, в которой повисла. Когда я вбежал во двор, под нашими окнами уже стояли две вездесущие соседки.

– Вон, бежит, красавец против овец...

– Ты бы, Юра, хоть сиделку ей нанял. В следующий раз милицию вызовем. За нарушение спокойствия.

– Мать одну оставить на ночь! По бабам, что ли, ходишь? Срамota какая!

Я перемахнул через разбитые ступеньки.

Ключ легко повернулся в замке, но дверь не поддавалась. Что-то держало её изнутри.

– Ма-ам? – позвал я.

Дверь не ответила.

– Мама Надя! Открой! – я колотил кулаком по дерматиновой обшивке.

Послышался тяжёлый скрип.

– Ма-ма На-дя! – я приложил губы к замочной скважине. – Я хлеба купил. Хле-ба!

Хлеба я и правда купил. В подвале дома напротив нашей остановки появилась маленькая пекарня. В начале двухтысячных она закрылась, но во времена моего интернства на обратном пути с ночных дежурств я ещё заставлял первую партию пористого, пахнущего свежими дрожжами хлеба, такого горячего, что от него даже плавился тонкий полиэтиленовый мешок. Мама очень любила хлеб. Не только этот, из пекарни, а любой. Период, когда за хлебом выстраивались очереди длиной в квартал, для мамы стал самым ужасным: она вспоминала эвакуацию, плакала, а иногда даже путалась, не понимала, какие годы стоят на дворе. Одной булки нам с мамой Надей не хватало, и я брал три. Если дома в холодильнике вдруг обнаруживалось масло, его можно было намазать сверху, и оно таяло, протекая внутрь мякиша, в хлебные пещеристые тела, заполняя их жёлтой душистой жидкостью.

Сквозь тряпичную сумку, висящую у меня на плече, хлебный запах проникал наружу, и мне страшно хотелось есть.

Навалился плечом на дверь. Она не поддавалась.

– Ну и зря, – сказал я матери. – Не открываешь, вот и сиди

голодная. А я завтракать буду.

Чтобы меня было видно в глазок, я сел на ступеньку спиной к стене, на учебник «Сердечно-лёгочная реанимация». Учебник я знал почти наизусть, но, как говорил наш заведующий, «случаи – они всякие бывают». Вот случай и подвернулся.

Корка хрустнула, слюнные железы с болью выстрелили в небо. Закатив глаза, я шумно зачавкал, демонстрируя, как мне вкусно и хорошо. Над моей головой по стене подъезда, по островкам облупленной краски полз маленький рыжий мураш. Я поставил палец поперёк траектории его движения, но мураш исчез. Наверное, упал.

Прошло время. В коридоре за дверью заскрипело. Я как ни в чём не бывало продолжал насыщаться.

Запивать было чем: молоко мне тоже удалось купить. Правда, в нашем магазине продавалось плохое, порошковое молоко, которое покупалось только для того, чтобы варить маме кашу. Я уминал мягкий хлебный кирпич с чудовищной быстротой. После бессонной ночи аппетит был что надо, и я сдерживал себя, чтобы не сожрать булку целиком.

Послышались грохот и оханье, мама Надя двигала какие-то тяжёлые вещи. Наконец дверь качнулась, и в узкой щели появился мамин глаз.

– Юра, ты?

Я легонько помахал ей рукой, сжимавшей уполовиненную бутылку молока.

– А чего на голом полу сидишь?

– Я не на полу. Я на учебнике.

– А чего домой не идёшь? – она уже целиком высунулась на лестничную площадку.

– Ключ потерял.

Лицо её сделалось строгим.

– Иди домой. Соседи придут. А ты тут расселся.

Мама Надя говорила с паузами, но её перебивать было нельзя. Я послушался, встал, подобрал с пола «Сердечно-лёгочную реанимацию». Мама Надя отобрала у меня молоко.

– Всё вылакал? – она расстроилась.

– Не всё – только половину.

Мы проникли в квартиру. Пришлось перешагивать через приваленную к двери баррикаду. Чего там только не было: мой старый велосипед, который мама Надя притащила с балкона, обтрёпанные, дедушкины ещё чемоданы, коробки с книгами, до которых у меня никак не доходили руки.

– Мама Надя, что это такое? – спросил я.

– Где?

– В коридоре. Вот эти вещи.

– Вещи? – переспросила мама Надя. Она теперь всегда переспрашивала. – Дак чтобы не пришли... Эти.

– Кто?

Она не ответила и молча пошла на кухню.

Вчера я получил зарплату. Очень странную нам в больнице в то время выдавали зарплату. Денег было ровно вполови-

ну меньше того, что мне причиталось. Невыплаченную сумму я взял ноотропными препаратами. Так руководство иногда выходило из бедственного положения. Маму Надю всё равно нужно было чем-то лечить.

Наступила мирная пауза. Мы ели хлеб, который уже почти остыл. Масла не было, но нашлись яйца. Желтки глазуньи лопались и растекались в маминой тарелке, она медленно размазывала их ложкой.

Вот так мы и жили с ней, и все соседские вопли были мне по барабану, и все милиционеры с протоколами шли лесом, а иногда мне даже казалось, будто мама понимает всё, что с ней происходит. Когда она ругала меня за поздние приходы домой или за то, что я плохо её кормил, приходилось соглашаться.

– Ты своими лекарствами хочешь меня отправить на тот свет, – нередко заявляла мать.

И мне казалось, что это тоже правда. Рано или поздно мама оказывалась права.

День набирал обороты, я смотрел на маму Надю, лежащую с закрытыми глазами под пыльным настенным ковром. Вынимал иголку из её руки, укрывал стёганым одеялом и уходил на свою половину, отгороженную дээспэшным шкафом. Засыпая, прокручивал в голове всё якобы чудесное воскрешение моей первой реанимационной пациентки, но мало-помалу в моей памяти оседала истина: куча ошибок, наивное бахвальство неумехи.

Моя вторая беседа с Э. Д

– Ну что ж. А говорили, не сможете.

– Так быстро?

– А что тут читать? Пять страниц.

– Текст путаный...

– Да, путаный, немного бессвязный. Тяжело?

– Как будто мешки ворочал.

– Понимаю.

– Я не чувствую себя лучше. Еле-еле подбираю слова. Истрепаю все ваши словари.

– Словарям это на пользу. И ещё. Вам нужен старый ноутбук со сломанным модемом? Хотела выбросить за ненадобностью, слишком уж он тормозит.

– Мне?

– Ну да. А кому ещё? Считайте его своей печатной машинкой. К Сети он не подключается.

М о л ч а н и е

– Доктор, выпишите мне другие лекарства. Те, что я пью, – не работают.

– Что вы хотите?

– Транквилизаторы.

– Вам они не показаны, вы ведь знаете.

– Знаю.

– Мы будем работать с тем, что есть. А потом и вовсе уй-

дём с препаратов.

М о л ч а н и е

– Всё время мысленно возвращаюсь к ней.

– Это хорошо.

– Чем это хорошо? Сейчас приплетёте старика Фрейда?

– При чём здесь Фрейд? Я думаю о другом. О родителях.

Удивительно. Давно умерший человек вдруг может взять и заговорить.

– Вы о моей писанине?

– Скорее о себе. Я тоже дочь своего отца. И знала-то его не очень хорошо. Он дневал и ночевал в клинике. Когда я пошла работать, он меня не опекал. Но мне постоянно приходилось сталкиваться с его авторитетом. Всю жизнь я искала свой стиль, доказывала себе, что я человек самостоятельный... Ну, вы понимаете. Мы оба с отцом пережили тяжёлые времена. Нас ломали. Мы боролись с системой, иногда действовали исподтишка. Мой отец уже давно умер. И вот сейчас я замечаю, что, когда готовлюсь к лекциям для студентов, в конспектах строю фразы так, как это мог делать только он.

– Прекрасное откровение, доктор. Но меня оно не утешает.

– И не собиралась утешать вас.

– Хотите сказать, моя сумасшедшая мама говорит моими словами? Поздравляю вас, коллега, а то я не знал, что ранний Альцгеймер всегда наследуется.

– Никто не знает, что и как наследуется. Даже генетики. Видела ваши опросники. У вас нет болезни Альцгеймера.

– Тем хуже. Значит, даже генетика ничего не объясняет.

– Каждый мнит себя уникальным.

– Вы меня оскорбляете.

– Ничуть. Наоборот, я жду продолжения.

М о л ч а н и е

– О чём хотите почитать?

– Мы только что говорили о стиле работы. Хотела бы узнать, как вы работаете сегодня.

– Обыкновенно.

– Это правда: чтобы реанимировать больную, вы влили в неё все лекарства, которые были в отделении?

– Помните девяностые? Иногда в отделении имелся только физраствор и самое элементарное: папаверин, атропин...

– Да, конечно. Помню.

– Я действовал наугад.

– Поэтому больше не работаете в реанимации?

– Не верю в приметы. Просто совпало.

– А вы знаете, что в некоторых примитивных племенах, когда проходит инициация мальчиков и они подвергаются жизненно опасным испытаниям, в конце их ждёт самая сложная проверка? Догадываетесь, какая? Проверка безразличием. Вообразите. Мальчик возвращается в племя и ждёт, что его примут с почестями. Он преодолел все преграды! А племя не обращает на него никакого внимания. Никто с ним

не общается. И он думает, что не прошёл испытания. Представьте себе, как ему тяжело. И только через три дня шаман разжигает костёр, девушки вплетают в волосы цветы, музыканты достают свои барабаны... Но перед этим – три дня позора.

– Недалеко же мы ушли от папуасов.

– О! Ещё как недалеко. Расскажите мне о каком-нибудь недавнем пациенте. Наверняка был тот, кого вы хорошо запомнили. И ещё: вы же понимаете, что тут не на кого производить впечатление.

– Да уж. Рядовому врачу не с руки тягаться с профессором.

– А я думала, вы видите во мне ещё и женщину.

– Пытался скрыть.

– Не пытались. Но речь не об этом. Не описывайте успешный диагностический случай. Я и так знаю, что вы хороший врач. Мне интересны люди. Те, которых вы описываете.

– Сколько писать?

– Сколько хотите. Я читаю быстро.

6 марта 2023 г.

Мама Надя умерла в самом что ни на есть цветущем Альцгеймере, ей было пятьдесят девять. На дворе стояли девяностые годы, я учился в интернатуре и не имел ни денег, ни связей. Своевременное и правильное лечение застарелой гипертонии было упущено, что, пожалуй, только ускорило мамин

уход. Слабоумием, судя по рассказам, страдал и дед Сергей, которого я никогда не видел. Прожил он гораздо дольше, но мне кажется, это никому не принесло счастья. Говорили, дескать, я похож на деда: ростом (оба – коротышки), осанкой (лёгкая сутулость) и глазами – не знаю, что в них этакое, но мама, упоминая о нашем сходстве, всегда улыбалась. Да ещё очки: когда я рассматривал фотографии, замечал, они у нас с дедом почти одинаковые и даже сидят так же. С отцом я никогда знаком не был и не могу сказать, чем я на него похож. Может, цветом волос? Может, и мой отец рано поседел? Уже не угадать. Да и вряд ли я стал бы разыскивать чужого человека, чтобы ответить на все эти вопросы.

Будучи ещё в ясном уме, мама работала в клинической лаборатории. Она весь день смотрела в микроскоп и считала количество лейкоцитов в анализах мочи. Тогда она была ещё просто мама, а не мама Надя. Звать маму Надей я начал тогда, когда до меня дошло, что она ничего не помнит: существительные, а среди них имена собственные, первыми пропали из её памяти и речи.

Мама Надя в молодости была красивая, и чудачества сходили ей с рук. Невысокого роста, стройная, со светлыми мелкими кудрями, заколотыми кверху: мама раз в три месяца делала химическую завивку. Свои желтоватые в крапинку глаза она подводила по контуру чёрным; кривая линия шла от угла глаза, и заканчивалась чуть ли не возле виска. Следуя моде, мама Надя ходила на высоченных каблуках и умудри-

лась ни разу в жизни не травмировать голеностоп. Она могла прицепиться к незнакомому человеку на улице только потому, что у прохожего, к примеру, был желтоватый цвет лица. Дабы сказать незнакомцу «У вас гепатит!», она могла идти за ним шаг в шаг целых полчаса или больше. На Новый год мама Надя могла взять в комиссионке костюм Снегурки и ходить так по городу – просто потому что ей так захотелось. Она верила в примету: если утром надеть что-нибудь наизнанку, день сложится удачно. И маму Надю нельзя было переубедить, что в народе эта примета трактуется совсем по-другому. Ей ничего не стоило надеть шиворот-навыворот даже платье, если её, конечно, устраивал рисунок изнанки.

А вот ещё был случай. Какой-то поклонник однажды позвал её на море. Мама согласилась и оставила меня с тёткой Леной, которая специально приехала в Ленинград, чтобы приглядывать за мной. Мама приехала к мужику на вокзал, и там у них произошла неожиданная ссора. Мама схватила его чемодан и швырнула на рельсы, под колёса приближавшегося поезда.

Когда мама выбросила чемодан под поезд, ей было немногим меньше, чем мне в тот период, о котором я пытаюсь рассказать. Мы с ней, конечно, очень разные люди. Я, в отличие от мамы Нади, всегда испытывал комплексы, общаясь с противоположным полом, и поэтому у меня было мало женщин. Одеваться я старался по возможности опрятно и экстравагантности сторонился. Я никогда не верил в закономерности

сти и не видел связи между событиями и ритуалами. Но всё же какой-то частью сознания, спрятанной настолько глубоко, что на свете нет такого датчика, который бы доказал её существование, я не исключал: когда-нибудь я стану копией моей матери. Несмотря на все мои старания, природа возьмёт своё, и в конце концов от меня останется нечто мычащее и жалкое. И вот тогда, в эти неизбежно грядущие времена, мои записи станут доказательством того, что я такой же человек, как другие, – вернее, недавно был им, что я некогда мыслил и даже кое-как пытался бороться с генетикой.

Глядя на маму, я решил стать настоящим врачом и старался держаться подальше от вспомогательных служб и прочих лабораторий – они всегда напоминали мне о матери. И я окончил медицинский. Маме Наде оставалось подождать всего лишь чуть-чуть, она бы увидела всё и порадовалась. Хотя, если честно, необходимость несколько лет в одиночку ходить за тяжёлой больной могла кого угодно отвлечь от медицины. Меня посещали такие мысли, но к тому времени, когда я собрался послать всё к чертям, в стране случился кризис. Перестраиваться и лихачить было глупо. К тому же больница расширяла отделение лучевой диагностики, и меня после нескольких лет работы в реанимации занесло за пульт управления ультразвуковым аппаратом. Мой центр зрения в затылочной доле мозга находился в напряжении более шестнадцати часов в сутки, а центры, отвечающие за память и интеллект, решали заковыристые задачи. А значит, я делал

всё, чтобы не пойти по мамину пути.

Вспоминается наш институтский преподаватель по фамилии Росин. Он вёл у нас фармакологию и носил козлиную бородку, за которую хотелось подёргать. Росин задавал нам клиническую задачку и спрашивал, чем лечить пациента с определёнными симптомами. В ожидании ответа он ходил вдоль притихшей аудитории и кричал в ухо какому-нибудь невезунчику: «Ну же! Наморщи свой головной ганглий!» Все годы работы в клинике я старался, чтобы ганглий морщился.

Друзей в институте у меня не было, а Грачёв появился в моей жизни, только когда я пошёл работать по специальности. Он часто повторял мне, что я «странный», и это всегда меня раздражало: кто бы говорил... Ладно бы моя жена, у которой и правда могли быть основания для такого. Но Грачёв! Тот самый, кто однажды, лет двадцать назад, так нажрался на дежурстве, что, не удержавшись, рухнул в служебном туалете прямо в промежуток между унитазом и стеной. Если бы не я, Грачёву грозило бы увольнение с занесением, не меньше. Он всегда был такой здоровый, что в одиночку я бы с ним не справился, и поэтому освобождали мы его вдвоём с медсестрой Ритой. Ну и кто тут странный?

Чем ближе я придвигался к роковой возрастной черте, тем чаще прислушивался к себе. Понятно же, что со мной произойдёт. Этому невозможно помешать. Я закрывал глаза и видел, как длинные аксоны³, похожие на извитые хвосты воз-

---

³ Аксон – длинный отросток нервной клетки, через который происходит связь

душных змеев, теряют натяжение ветра и управляющую руку. Как будто есть на свете пацан, который держит в кулаках бессчётное количество тонких верёвочек, и все они уходят высоко, под самое небо, – и там становятся воздушными змеями. Чувак обязательно удержал бы всё своё богатство, и змеи бы не улетали, но верёвок так много, что попробуй уследи. И вот куски разноцветной ткани превращаются в еле подвижные точки, в невидимые небесные пиксели. Другие, вырвавшись из связки, бьются в судороге и тыкаются носом в землю. Запутываются ниткой за провода линий электропередачи; их в скором времени ждёт смерть от удара током. Застревают в ветвях деревьев и там дряхлеют, пока следующая зима не превратит их в ветошь.

Задание 2

Сашка

*Из коробки № D-47/1-ЮХ
2019 г.*

Он появился, как всегда, неожиданно. Сначала в мессенджере:

«Фазер, хочу бросить у тебя кости».

«Надолго?»

«Дня на два. А потом как покатит. Можно?»

«Приезжай. Буду дома после восьми вечера. У тебя всё окей?»

«Расскажу».

Если он просится ко мне пожить, то, скорее всего, в Сашкиной жизни не было никакого «окей». Он и раньше часто ссорился с матерью, моей бывшей женой. Пока Сашка был помладше, мать знала, на какие кнопки нужно надавить, чтобы он учился, а не просиживал сутками возле компьютера. Например, она обрубала ему интернет. Один раз Сашка позвонил и рассказал, что мать сняла с петель дверь в его комнату. Я приехал к ним тайком, измерил проём и заказал новую дверь, а также подкинул Сашке денег на её установку. Бывшая, пусть и догадывалась, что без моей помощи тут не обошлось, ничего не смогла мне предъявить. Когда я спро-

сил Сашку по телефону, как он ладит с матерью после установки двери, сын крикнул мне в трубку:

– Жалкие людишки уничтожены!⁴

Сашка разговаривал слоганами. Фраза означала полную его победу.

После того как я первый раз встал на сторону сына, он начал мне иногда звонить. В последний год Сашкиной учёбы мы с Викторией (так зовут мою бывшую) взялись за него как следует, читали нотации. Но всё равно в институт ребёнок не поступил. В армию его, как и меня когда-то, не взяли по зрению, и Сашка заявил, что собирается зарабатывать на жизнь интернет-бизнесом. Время от времени у него действительно появлялись небольшие суммы. Потратив последние силы на выпускной класс и убедившись, что военная карьера ребёнку не светит, Вика отказалась от борьбы за высшее образование сына. К тому же в тот период у неё только-только наладилась личная жизнь и её часто не было дома.

– Спасибо тебе, Фазер, за то, что приютил, – сказал ребёнок, стаскивая с ног «конверсы». – Как говорится, «вурдалак вурдалаку друг, товарищ и корм»⁵.

Я пододвинул тапки, и он прошёл в комнату.

Сашка был всё таким же. Лицо неровное, поросшее ред-

---

⁴ «Жалкие людишки уничтожены!» – фраза из популярной сетевой игры Warcraft. Победное восклицание, приблизительно соответствует выражению «Да здравствует победитель!».

⁵ «Вурдалак вурдалаку друг, товарищ и корм» – популярная цитата из сетевой игры Warcraft.

кой тёмно-русой щетиной. Каждый раз в нём проявляются новые черты. Может, просто по-другому падает свет, но бывают моменты, когда Сашка становится как две капли воды похож на свою мать – это сильно меня раздражает: рельефные скулы, треугольное лицо, серые глаза. А потом я вижу клочковатые пучки русых выющихся волос, торчащих из его подбородка, и выпирающий кадык, и подростковые руки-грабли, и вдруг неожиданно для себя улавливаю в его речи мои собственные интонации. И на какое-то время успокаиваюсь. Очки Сашка носит не такие, как у меня, убойно-квадратные, а изящные, круглые и почти невесомые, и они очень подходят его узкому лицу. И весь он узкий, высокий – выше меня почти на голову, – словно длинная дверная щель.

– Ты хоть сообщил матери, где тебя искать?

Сашка махнул рукой и откинулся на диване.

– Да ну. «Тратить ману неохота»⁶, – он достал из кармана телефон, потыкал в него и спрятал обратно. – Всё равно она в Москву укатила.

И добавил, кивнув в сторону коридора:

– Еду притащил. Там, в пакете.

Раньше я тоже сыпал медицинскими терминами, даже не пытаясь подыскать им бытовой аналог. «Медиальный», «латеральный», «динамика положительная», как будто нельзя

---

⁶ «Тратить ману неохота» – фраза из популярной сетевой игры Warcraft. Соответствует выражению «не хочу тратить время (ресурс, силы, и т. д.)».

сказать проще.

Сашка обычно не приходит ко мне бескорыстно. За его визитами всегда кроется немудрёная детская выгода, чаще всего материальная. Или ребёнок хочет денег, или ему нужен доступ к компьютеру. Но сейчас Вика в отъезде и никто не ограничивает ему трафик, да и денег, судя по продуктам, Сашке хватает. В пакете я обнаружил коробку зефира, пару бутылок пива и огромный фасованный кусок говядины.

– Ты голодный?

– Не особо. Просто у тебя кроме пельменей, как всегда, ничего нет.

– Колбаса есть.

– Угу.

И он снова уткнулся в телефон.

Мясо готовить я не умею, но Сашкин кусок оказался на удивление удачным, и даже я не смог его испортить. Прожарил его с четырёх сторон на большом огне и, завернув в фольгу, засунул на десять минут в духовку. Таким способом Вика в незапамятные времена делала стейки с кровью, и каждый раз это была лотерея, потому что вкус зависел не от кулинарных способностей повара, а только от качества купленного мяса. Причём жена сама мясо не ела: в последние годы она активно увлеклась вегетарианством и сыроедением.

За стол ребёнок пришёл с первого оклика, даже не пришлось повторять. Он откупорил пиво и отхлебнул прямо из бутылки, резко запрокинув лохматую голову. Три месяца

назад парню исполнилось восемнадцать, и теперь попробуй хоть что-нибудь сказать ему поперёк.

– Ты бы в стакан налил.

– И так нормально.

Мы разделили стейк на две половины, и на срезе оказалась рыхлая розовая прослойка. Ребёнок отрезал кусок, проглотил его, запил большим глотком из бутылки и произнёс:

– Зачётное мясо. Соуса бы ещё.

Другого соуса, кроме соевого, у меня не нашлось, но в недрах холодильника обнаружился лимон. Сашке он подошёл, а мне лимонный сок с пивом показался жуткой гадо­стью.

– Слушай, – спросил Сашка как бы невзначай, – а ты не в курсе, как у нас, в России, относительно этого... Отно­сительно донорства? Чёрный рынок существует?

– Донорство? – переспросил я. – Ты имеешь в виду до­норство крови?

– Я имею в виду донорство органов.

Моя третья беседа с Э. Д

– Про вашего сына мне рассказывал Андрей Николаевич. Возможно, я знаю не всё. Но прошу вас пока не дописывать эту историю. Пусть уляжется.

– Вы хотите, чтобы я отвлёкся. Чтобы развеялся.

– И да и нет. Думать-то я вам не запрещаю. Но написать прошу про другое.

– Трудно.

– Как и любая работа. Кстати, вы весь день смотрите в экран. И ваш сын тоже.

– Думал об этом. Считаете меня виноватым в том, что с ним произошло?

– Нет, я только о вашем сходстве. О сходстве ваших двух миров.

– В его мире всё защищено. Игра проиграна – начинаешь новую. Игроки бессмертны.

– Но и мы с вами бессмертны.

– Так говорят только церковники.

– Не согласны?

– Вы были когда-нибудь в морге? В анатомичке? Хотя бы на первом курсе?

– Я не об этом.

– А я об этом.

– Можете написать и об этом тоже.

Задание 3

Белая обезьяна

Из коробки № D-47/1-ЮХ

До 1999 г.

...Помню наперечёт почти все свои ошибки. Наверное, ради этих жестоких преткновений всё так и устроено в нашем мире: обязательно нужно найти свою яму и упасть в неё. Поскольку оттуда, с точки падения, жизнь оказывается совсем другой. И ещё неизвестно, что именно человеку зачитывается в заслугу, – может быть, как раз его поражения.

Пациентка Сивцева. Двадцать пять лет. Принесли с улицы, истощение, озноб. Двухсторонняя пневмония плюс сердечная недостаточность. Руки в синяках. Медсестра, когда искала у пациентки вену, изошла отборным матом: вен не было. Если у пациентки невозможно нащупать вену и у неё исколоты все руки, ведь правда, доктор, больная похожа на наркоманку? Я тоже так подумал.

Поставил ей подключичный катетер. Пациентка молчала как рыба, а я всю смену капал ей цефтриаксон и колол гентамицин⁷. Подопечная умерла к утру, фибрилляция, остановка сердца. Отправили в морг. Ещё одна бомжиха, вы думаете, да? Как бы не так. Через два дня отыскались её родственни-

⁷ Цефтриаксон, гентамицин – названия препаратов антибактериального ряда.

ки.

Пациентка Сивцева не была наркоманкой. Она просто очень долго пролежала в больнице в посёлке Песочный. На борьбу с лимфомой семья угрохала невиданные деньги. Итог – ремиссия более трёх лет. Но две недели назад у больной обнаружили метастазы, и пациентка ушла из дому. Родные не уследили, а врач реанимации оказался идиотом.

Был у нас один доктор, по фамилии Пескарёв. Он работал анестезиологом. Анестезиология – наша смежная специальность. У меня в первых по счёту корочках написано: «Врач по специальности “Анестезиология и реаниматология”».

Так вот о Пескарёве. Когда из операционной пациентки поступают в хирургическую реанимацию, нам всегда передают наркозную карту. Туда анестезиолог записывает все препараты, введённые во время операции. До миллилитра. Я брал дежурства как в хирургическом ОРИТе, так и в кардиологическом, и надо же было такому случиться, что у послеоперационных пациентов выявились осложнения: у одного – инфаркт миокарда, у второй – гипертонический криз. Оба пациента перекочевали из хирургической палаты интенсивной терапии в кардиологическую. То есть от меня – снова ко мне.

Я изучил наркозные карты и поднялся к Пескарёву на этаж.

– Очень низкие дозы анальгетиков во время операции, – сказал я Пескарёву. – Почему?

– Низкие? – он попытался выкрутиться. – Я делал расчёт

по массе тела.

– У обоих одна и та же симптоматика, – сказал я. – Болевой шок. Отсюда и осложнения.

– Странно. На операции никто не кричал от боли! – улыбнулся Пескарёв.

– Потому что вы дали им снотворные и миорелаксанты⁸, – меня трясло от злости. – Но не обезболили так, как это нужно было сделать.

– А тебе что, больше всех надо? Лежат они у тебя, тебе и лечить.

– Хорошо. Подниму вопрос на общей пятиминутке.

И собрался уходить.

Пескарёв вскочил с кресла и, схватив меня за локоть, потащил из ординаторской.

– Слушай, умник, – сказал он в коридоре. – Чтобы у пациентов не было болей во время операции, они сами должны постараться.

– В смысле? – бесился я. – Они должны сжать зубы и терпеть?

– Да, – сказал Пескарёв. – Или просто заплатить анестезиологу.

---

⁸ *Снотворные, миорелаксанты, анальгетики* – компоненты общей анестезии. Для того чтобы осуществить полостное хирургическое вмешательство, необходимо: а) исключение сознания (используются препараты, вводящие пациента в медикаментозный сон); б) расслабление поперечно-полосатой мускулатуры (используются миорелаксанты); в) блокировка болевых рецепторов (используются анальгетики).

У меня на лице выступил пот.

– Заплатить? – крикнул я. – За что? За ампулу препарата, который и так им положен по закону?

– Ах ты по закону любишь? – ухмыльнулся Пескарёв. – Хирурги с каждой операции получают кучу бабла, это по закону?

– Откуда бабло у хирургов – меня не касается, – сказал я.

– Всё уже поделено, без тебя, – Пескарёв глядел на меня с некоторым сожалением. – Беру бабки у больных и наказываю их, если они не платят. Так делаю не я один. И только попробуй поднять шум.

Отпустил мой локоть и исчез за дверью ординаторской.

Я отследил всех его послеоперационных пациентов. Среди них были и шишки, и братки. У этих никогда не было низких доз анальгетиков. Совсем не так обстояло дело с теми, у кого в нужный момент не оказалось денег. Осложнения выявились у каждого второго. Одна пациентка ушла в тяжёлый коллапс, и мы всю смену поднимали ей давление. Я знал, почему это произошло, но ничего никому не сказал. Зато теперь я сразу вводил морфин всем, кто поступал от Пескарёва.

Сейчас я не могу понять, почему я молчал. Наверное, боялся, что в больнице все со всеми повязаны. Начну выступать – затравят или действительно вышвырнут.

Я помню своих пациентов, лежавших в реанимации в середине девяностых, когда мы работали без лекарств и шпри-

цев. У нас были только воздух и физраствор. По всей стране творилось чёрт-те что. Но будучи врачом, за своих больных отвечал я. А кто ещё? Ельцин, что ли?

Говорят, врач не должен испытывать чувство вины. Но это всё равно что не думать о белой обезьяне. Помните, как Ходжа Насреддин обхитрил бухарского эмира? Психологи придумали тренинги, где можно научиться ловить белую обезьяну, сажать её в клетку и дрессировать. Но обезьяна очень умная и учится действовать изошрённо. Чудовище знает, что на него объявлена охота, и выходит на свободу только по ночам. Чудовище хочет жрать.

.....

Как известно, лекарства от болезни Альцгеймера нет. Все теории возникновения этой патологии – всего лишь предположения. Журналы писали о многочисленных исследованиях, которые проводились исключительно за рубежом. В девяностые я ходил по библиотекам, находил нужные статьи, но точного ответа в них не находил, а маму нужно было как-то лечить.

Врачи прописывали ей сосудистые препараты в таблетках вроде церебролизина и глицина, которые мама Надя держала во рту и выплёвывала, когда я выходил из комнаты. Приходилось ставить капельницы и сидеть рядом, пока не прокапает весь флакон. Сначала она ещё понимала, что я её лечу, а не просто делаю больно. Потом она убедила себя, что я хочу её убить.

И тогда я стал делать маме Наде успокоительные уколы. Колоть себе витамины внутримышечно мама Надя разрешала. Но всегда проверяла ампулы.

– Что ты мне уколол? – кричала она, пытаясь рассмотреть ампулу, которую я держу в руках.

– В12 и В6, – говорил я.

И колол В12 и реланиум. Ампулу В6 я предусмотрительно надламывал и вытряхивал в раковину, а потом складывал на тарелку как доказательство произведенной инъекции.

После транквилизаторов и нейролептиков маме становилось легче. Она переставала плакать. Страх того, что я причиню ей зло, тоже ушёл. Она не боялась, что в моё отсутствие кто-нибудь вломится в наш дом. Не двигала мебель. И вообще ходила очень мало.

Так тянулось несколько месяцев.

А потом я прочитал в одной свежей зарубежной статье, что приём нейролептиков и транквилизаторов у больных с болезнью Альцгеймера способствует снижению продолжительности их жизни.

Это значило, что ещё вчера я имел право сделать укол, а сегодня я уже не имел такого права.

По моему дому ночами ходила белая тень. Это был я сам. Человек, который без белого халата превращается в белую обезьяну.

На стене в мамы-Надиной половине раньше висел пёстрый ковёр, огромный, от верхнего края дивана до потолка. В

восьмидесятые такие ковры были данью повальной моде. Если приглядеться, все они изображали огромный глаз, миндалевидный, с тёмным зрачком и белыми вкраплениями на вычурном узоре тёмно-коричневого цвета. Глаз смотрел на меня всегда, когда я находился дома. Он был мой свидетель и обвинитель.

– Что я теряю? – произносил я вслух. – Я вколол в неё столько психотропных. Одним больше, одним меньше. Уже всё равно.

– Она знает, что ты её убиваешь, – отвечал я сам себе.

И как-то раз я, перед тем как идти на работу, маму Надю не уколол.

Убегая в больницу, я позвонил Алле Ивановне, нашей соседке, которая жила за стеной. Алла Ивановна перезвонила часа в два и сказала, что дома всё тихо. Я набрал маму Надю, та взяла трубку и бросила её обратно на рычаг. «Живая», – подумал я с облегчением.

В этот день вроде бы всё обошлось. И ещё несколько дней выдались на редкость спокойными – мама только отодвинула от стены кухонный стол и вывалила вещи из шкафов. Но это для меня была сущая ерунда. Самый большой сюрприз ждал меня через неделю.

Не могу описать вам, что я застал, придя домой. Не могу, и всё.

Хотя меня предупреждали: нечто подобное когда-нибудь случается со всеми больными деменцией.

– Кто это сделал? Кто? А? Не слышу!

Мама Надя сидела на диване и пожимала плечами.

– Ну, не знаю, – говорила она. – Я же не могу за всем уследить.

– За чем ты уследить не можешь? За собой ты уследить не можешь?

– Ну почему за собой, – отвечала мама Надя. – За собой мне зачем. А вот другие... Всякие... Они да. За ними никак.

Она хныкала, как маленькая, когда я мыл ей лицо и голову. Достал из грязного белья её второй халат, который уже неделю как дожидался стирки. Еле-еле всунул в рукава мамы-Надины ватные руки. Халат был гораздо чище, чем то, что валялось в раковине.

Мама Надя ничего не говорила. Она просто постанывала, и всё повторяла: «М-м-м», «М-м-м». Я усадил её на пол на своей половине, в уголке возле шкафа. Мама Надя затихла. Задремала. Достал из шкафа одеяло и укрыл её, поймав себя на том, что несколько минут назад я на этого человека кричал, а вот сейчас забочусь о нём.

Я постарался не думать о произошедшем. Просто не думать, и всё. Беречь силы. Покрывала с дивана и тахты я швырнул в стиральную машину, но для того, чтобы ушёл запах, пришлось потратить уйму порошка.

Но пахло не только от вещей. Пахли стены, мебель, потолок. Я развёл хлорку в ведре и тёр обои до умопомрачения. Пока не почувствовал, что перчатки давно порвались и рас-

твор проедает мне пальцы.

На следующий день мама Надя не вставала. Она была смиренная и послушная, обколотая препаратами.

После этого случая болезнь стала резко прогрессировать. Через месяц мама Надя уже не вставала. Ничего не говорила, кроме отдельных случайных слов, вылетающих у неё внезапно и невпопад. Я мыл и переодевал её. Кормил из ложечки; жидкая каша или кисель текли у мамы Нади по подбородку. Капал ей препараты. И прекрасно понимал, что всё бесполезно. Капал и капал. Капал без конца. Уходил из дома и делал успокоительный укол. Приходил и снова ставил капельницу.

Каждый день дома меня ждал человек с неподвижным лицом, обрамлённым редкими свалывшимися волосишками, потерявшими всякий цвет. Из бесформенного лица удивлённо глядели глаза, такие бесцветные, тусклые. Мне казалось, что этот человек никак не может быть моей мамой и настоящей маминой сути, как и маминой плоти, – в нём уже не осталось.

.....

В последний год перед уходом мамы Нади и на протяжении какого-то времени после я провалился в кроличью нору, у которой не было дна. Работа казалась мне бессмысленной, а сам я – никчёмным. Данные мамы-Надиного вскрытия повергли меня в шок, от которого я долго не мог оправиться. В желчном пузыре у неё обнаружился конкремент огромных

размеров. «Камень бел-горюч», как поётся в песне. Он-то её и убил, а никакая не деменция. Камень прожёт воспалённую стенку пузыря и вызвал молниеносный перитонит. И я, врач реанимации, не смог распознать, что мама Надя умирает.

– Только не бери в голову, – говорил мне Грачёв. – Как бы ты угадал? Ты же сам сказал, что она не разговаривала. Желтухи не было?

– Не было.

Перед смертью мама Надя несколько месяцев молчала и общалась со мной, изредка постанывая и мыча. Температура не поднималась, в этом я был уверен. А лёгкую желтушность склер я мог и проглядеть. Мама Надя не любила яркий свет, и в слабом освещении настольной лампы ничего нельзя было рассмотреть наверняка.

Кроме Грачёва, никто в больнице про маму Надю не знал. Пожалуй, так и зародилась наша с ним дружба. Именно ему я смог подробно рассказать о своём несчастье. И после разговора он ко мне, кажется, не стал относиться хуже.

– Сниженный иммунитет, вот её и не лихорадило, – убеждал меня Андрюха. – Молниеносный процесс. Как тут угадать, что человек болен? У тебя же нет личного УЗИ-аппарата.

УЗИ бы всё показало, тут Андрюха был прав. Но так как сделать исследование вовремя я не додумался, вины за мамин уход Андрюха снять с меня не мог. Да он и не пытался.

Отметка карандашом на полях

Ручкой Э. Д.

2020 г.

*Неповинным весь век не прожить никому,
Не прожить и без горькой печали⁹.*

Разговаривать отказался. На сеанс не пришёл. Встреча в коридоре. Извинился. Получил задание.

Сон удовлетворительный. Появился аппетит.

Поменять нейролептик (три вопросительных знака, один восклицательный).

Срок выписки (три восклицательных знака, один вопросительный).

Наблюдение – под мою ответственность.

---

⁹ Эсхил. Орестея. Хозфоры, 1018–1019. Пер. Вяч. Иванова.

Задание 4

Хоккеист

*Из коробки № D-47/1-ЮХ
2014 или 2015 г.*

Он пришёл на приём в сопровождении молодой мамыши, которая внешне была похожа на выпечку с маком. В карте я прочёл обычное имя: Дима. На самом деле звали его Ломаный.

Направление от спортивного врача. Ох уж эти спортивные врачи. Всё-то им не дают покоя потусторонние шумы. Вот и здесь: в направлении, напротив слов «систолический шум сердца», стояло вопросительное «ВПС?». Клиницист заподозрил у лучшего хоккеиста города, у тринадцатилетней звезды команды юниоров, врождённый порок сердца.

Эхокардиографию¹⁰, особенно детям, делать люблю. Если ты владеешь ультразвуком, но не умеешь смотреть сердце, ты не спец. Я, например, получаю эстетическое удовольствие, когда наблюдаю, как смыкаются и размыкаются створки митрального и трёхстворчатого клапанов. Как будто в груди в ускоренном режиме сводятся и разводятся мосты.

---

¹⁰ Эхокардиография, или ультразвуковое исследование сердца – визуальный метод диагностики, звука, позволяющий оценить размеры, структуру и функциональное состояние сердечной мышцы, клапанов и крупных сосудов.

У Димки Ломаного был небольшой пролапс митрального клапана¹¹ (плевать на него, такая штука встречается у шестидесяти процентов здорового населения), а ещё три дополнительные трабекулы, или хорды. Тонкие поперечные фиброзные нити, идущие от одной стенки желудочка к другой. Протянутые, как бельевые верёвки во дворе, – от стены к стене. Или как струны на гитаре. Когда в сердце увеличивается скорость кровотока, эти волокна колышутся и даже создают звуковые эффекты, но патологию – никогда. Эти шумы мы и называем физиологическими.

Но кроме всего прочего у Димки-хоккеиста обнаружилось открытое овальное окно. Остатки эмбрионального кровотока через стенку предсердия. Отверстие, доставшееся многим взрослым людям после их девятимесячной жизни в животе женщины. Той самой, которая потом будет их кормить, растить и угнетать.

Обычно дырка зарастает годам к пяти; поток через отверстие природой не предусмотрен, и поэтому такой небольшой сброс является хотя и патологическим, но не смертельным. Всё зависит от размера дыры. Если она большая, то дело плохо: правые отделы сердца неминуемо расширяются – и наступает лёгочная гипертензия. А если отверстие маленькое, то сброс через него не критичен.

---

¹¹ *Пролапс митрального клапана* – провисание одной или обеих створок митрального клапана в сторону левого предсердия во время сокращения (сistolы) левого желудочка. Может быть минимальным и гемодинамически не значимым, и в этом случае порок сердца не формируется.

У Ломаного отверстие было четыре миллиметра. Ну хорошо, уточняю – чуть больше. Если честно, такой пробоины вполне хватает, чтобы перегрузить правые отделы. Однако все мои измерения показали, что ничего подобного не происходило. Поток через пятимиллиметровую дырку был минимальным, правое предсердие соответствовало норме, и давление в нём, как и в лёгочных венах, ничего плохого не предвещало.

Ну и как я должен был поступить? Нарисовать в заключении диагноз, с которым первый же спортивный врач, перестраховавшись, отправит парня на скамейку запасных? И спортсмен, подрубленный на самом взлёте, вместо кубка получит в лучшем случае депрессию, а скорее всего – заваленные экзамены в школе и героин в подворотне.

Когда я отрывал глаза от монитора и смотрел на моего пациента, то прекрасно понимал, с кем имею дело. В мои далёкие тринадцать такие парни никогда со мной не дружили. Сбитый, мускулистый, с уже пробивающимся пухом на средней линии живота. Разговаривает лениво, и по речи понятно, что человек в свои невеликие годы уже знает, чего хочет в жизни, а сквозь высокомерную улыбку виднеется криво сколотый передний резец. Крутой перец, без базара. И в спортивной карьере такой пацан будет переть напролом.

Спросил его, не устаёт ли он после тренировок, и парень вполне интеллигентно ответил, что чувствует себя прекрасно.

Итак, в моём заключении значилось: открытое овальное окно диаметром менее двух миллиметров, в стадии облитерирования. Иными словами, происходит естественное зарастание отверстия. А это означало: иди, Димка, на лёд и маши клюшкой, как и махал. И приходи на повторный осмотр через год. Желательно – снова ко мне.

Хоккеистов в целом я, честно признаться, не очень жалую. Бóльшая часть моей жизни прошла в доме, где жил пацан, который мечтал стать звездой отечественного хоккея. В выходные по утрам он повадился вставать ни свет ни заря и гонять шайбу по нашей лестничной клетке. Большинству соседей этот грохот казался милой забавой, тогда как на крики мамы Нади сбегалось полдома, чтобы поучить меня уму-разуму. Живя с хоккеистом в одном подъезде, я был готов подкараулить его где-нибудь в укромном уголке и выкрутить ему уши из его башки. Но вместо этого я зачем-то набрал себе на выходные дежурств и перестал замечать своего шумного соседа, а вскоре, переехав, вообще забыл о его существовании. Вернувшись через десять лет в старую мамину квартиру, никакого хоккеиста в нашем подъезде я больше не встречал, зато на перекрёстке Верности и Бутлерова к тому времени отстроили огромный спорткомплекс «Спартак», с настоящим профессиональным катком.

Так вот, год назад мой хоккеист ушёл от меня довольный, как Карлсон, с обещанием обязательно вернуться. Как-то на досуге я зашел в гугл и набрал его фамилию. И открыл рот.

Можно было считать себя причисленным к избранным. Сеть поведала мне: Ломаный (вот когда мне открылось его прозвище) – самый молодой среди подающих надежды петербургских бомбардиров, настоящий вепрь, будущий Харламов. Я уже прикинул про себя, что нашей клинике можно было бы через связи хоккеиста поглубже внедриться в спортивную медицину. Неплохо бы подкинуть такую идею Грачёву, директору и хозяину нашей конторы.

.....

Через год парень вошёл в кабинет уже без мамы. Я видел её в коридоре, но приглашать не стал. Пациенту стукнуло четырнадцать, у него теперь есть паспорт и право на конфиденциальность, которую он, судя по всему, ценил выше, чем мамину опеку.

Отверстие в сердечной перегородке меньше не стало, но выглядел Димка неплохо, вытянулся, повзрослел. Зуб во рту оставался таким же.

– А Ломаный ты из-за зуба?

– Из-за него, – он вытирал остатки геля и натягивал футболку. – С моим сердцем всё в порядке?

У меня не было никаких сомнений.

– Сердце справляется с нагрузками. Размеры камер в норме.

Парень облегчённо вздохнул и направился к двери.

– Слушай, – спросил я его вдогонку, – а чего ты не вылечишь свой зуб?

Он поправил волосы движением, подходящим скорее киноактёру.

– Да ремонтировал я, – сказал Ломаный. – Сделали, и в первый же день после стоматолога мне снова в морду шайба прилетела.

– Не повезло, – сказал я. – Но в запасе есть третья попытка.

– Да ну, чего морочиться? – махнул рукой Ломаный. – Не болит – и ладно.

Он сказал спасибо и вышел. До следующего пациента у меня оставалось свободное время, но тут в кабинет из коридора вкатилась мать. Вид у неё был встревоженный.

– Доктор, у нас всё в порядке с сердцем? – спросила она.

Я пожал плечами.

– Доктор, мой сын задыхается. Нас направили к аллергологу, поставили астму, выписали ингаляторы. Но одышка не прошла.

Мать была абсолютно серьёзна.

– Он никогда вам не скажет. Ещё бы. У него соревнования.

Я кивнул ей на стул, но она замотала головой.

– Нет-нет. Я на минуточку.

Я вышел в коридор, выпустив вперёд себя обеспокоенную мамашу.

– Лена, – обратился я к администраторше, протягивая ей историю, – запишите-ка вот этого пациента к терапевту.

– Я Ира, – обиделась девочка у стойки и обернулась к мамаше:

– У доктора Погодина свободное окно через полчаса. Подождёте?

Погодин поймал меня за пуговицу в ординаторской. Мы не то чтобы не ладили, просто Погодин привык смотреть свысока на всех, кто числится за диагностической службой.

– Хоккеист этот. От вас был?

Я кивнул.

– Странный мальчик.

– Звёздная болезнь, – махнул я рукой.

– Сердце шумит, как Ниагарский водопад.

– Там хорды, балалайка – три струны.

– И открытое овальное окно.

– Это ничего не значит. Перегрузки нет. Вы же видите.

– Ну да, ну да... – протянул Погодин. – Всё-таки странный мальчик.

– Послушайте, – сказал я, – там дело не в сердце.

– Поглядим, поглядим, – Погодин потёр лысину. – Теперь это мой пациент.

.....

Мы сидели у Грачёва, и он бубнил вещи настолько очевидные, словно я был интерном, а он – бывалым врачом. За полчаса я пережил настоящее дежавю.

– Вот не хотел я, Грачёв, идти к тебе в подчинённые. На-

чальники и друзья – вещи несовместные.

Грачёв крикнул. Он хорошо набрал вес за последние десять лет. Из парня с внешностью уголовного братка превратился во вполне солидного господина, лысого, с брюшком и при галстукe.

– Ты, Храмцов, накосячил. Надо это признать и взяться за хоккеиста как следует.

– Кто накосячил? Я?

– Ну а кто написал, что сброс на перегородке минимальный?

– А он какой? – я вытаращил глаза. – Минимальный и есть.

– Вот заключение из Первого меда, – Грачёв выложил из папки какую-то бумажку. – Диаметр дефекта пять с половиной миллиметров. И лёгочная гипертензия¹².

– Ну, во-первых, не пять, а четыре с половиной, – парировал я. – А во-вторых... Если ему ставят лёгочную гипертензию, то какое они дают давление? Есть цифра?

– Цифры нет, – сказал Грачёв. – Но ты сам виноват. Ты занизил диаметр дефекта.

– Цифры нет, потому что правые отделы не расширены, – я закипал. – И его одышка идёт не от сердца. Коллега из Первого меда прилепил лёгочную гипертензию потому, что пе-

---

¹² *Лёгочная гипертензия* – увеличение давления в лёгочной артерии. Измеряется во время проведения эхокардиографии, указание этой величины в миллиметрах ртутного столба считается обязательным в заключении, которое выдаёт врач.

рестраховался. А я занизил данные потому...

– Ну?

– Ты бы на него, Грачёв, хотя бы посмотрел, – сказал я. – Он гений-бомбардир. Он пропадёт без спорта.

– Ясно! – сказал Андрюха и прошёлся по кабинету. – И ты решил его спасти. Типа спасатель Малибу.

– Типа того, – я тоже встал. – Сделайте спирограмму, рентген лёгких, анализ мокроты...

– Мать против рентгена, – перебил Грачёв. – Не хочет подвергать ребёнка облучению. Большая вероятность, что они уйдут из нашей клиники.

– Ну и скатертью дорога, – ответил я. – А Погодин твой дерьмо мужик, направил пациента к другому диагносту у меня за спиной.

– Имеет право, – вздохнул Грачёв.

Я заметил мамашу Ломаного, сидевшую на скамейке возле двери моего кабинета. Она немного осунулась и от этого даже слегка похорошела.

– Здравствуйте, доктор.

– Чем обязан?

Она скользнула следом за мной в кабинет.

– Пришла передать вам от Димы спасибо, – начала она. – Дима сказал, что если и пойдёт к какому-то врачу, то только к вам.

– Безмерно тронут, – я пытался стусевать злость, колодившую меня после беседы с Грачёвым. – Но я всего лишь

диагност. Лечение звёздных мальчиков – не моя обязанность.

Мамаша улыбнулась.

– Я знаю, – сказала она.

Женщина подняла глаза и какое-то время рассматривала линию потолка.

– Видите ли, – сказала она, – он стал очень быстро расти. Мужать. И ещё у него сильно изменилось поведение. Он стал совсем... Совсем бешеный.

– Расстройство личности?

– Не знаю... – сказала она. – Он хамит, кричит на меня. Ночами заснуть не могу. Переживаю.

– Может, вы его разбаловали?

– Нет, поверьте мне, у нас в семье особо не разбалуетесь, – в её голосе послышалась обида.

– Вот такой случай был, – продолжала она. – Мы живём с Диминым отчимом. И ещё у Димы есть маленький брат. И я, понятное дело, много занимаюсь с малышом. А Дима не любит, чтобы его обделяли вниманием.

У пацана, оказывается, не такая простая жизнь, как мне представлялось.

– И вот однажды, когда я кормила младшего... Понимаете, нам с Димой нужно было ехать на соревнования в Москву. И тут мой младший сын... Он заболел. Скорая приехала и поставила ротавирусную инфекцию. В общем, ничего страшного... Но я всё равно сдала билеты. Димка не поехал

на соревнования.

А тётка-то на самом деле не балует парня, подумал я.

– И вот я сидела с ребёнком на кухне... А Дима подошёл ко мне сзади, взял нож и ударил меня рукояткой между лопаток.

– Рукояткой?

– Да, – её пальцы принялись быстро-быстро тереть бахрому шерстяного красного шарфа. – И он заорал во весь голос, что ненавидит меня, и брата ненавидит, и отчима, и что была бы его воля, он бы всех в нашем доме перерезал.

– Он задыхался, когда кричал?

– Вроде бы нет, – сказала женщина. – Дышал тяжело, но спазма не было.

– Хорошо. И вы тогда...

– Вскочила и выбежала на улицу.

– Испугались?

– Очень.

Женщина волновалась, и её даже, кажется, слегка трясло.

– И ещё я позвонила подруге.

– Зачем?

– Она психиатр. Я с ней много раз обсуждала Димкино поведение. Она предложила вызвать бригаду.

Я оторопел.

– И вы что... вызвали?

– А что мне оставалось? – она вдруг повысила голос. – Идти домой, где сидит человек с ножом?

– Ребёнок с ножом, – поправил я. – Всего лишь тринадцатилетний ребёнок.

– Знаете... – сказала она, подумав. – Ребёнок – это тот, кто был тогда у меня на руках. А в доме засел невменяемый подросток, почти мужчина, с холодным оружием.

Я кивнул, чтобы она продолжала.

– Так вот. Бригада приехала, и я сказала, что её вызвали соседи, услышав крики.

– А Дима?

– Ничего. Оделся и спокойно пошёл с ними, – мать вздохнула. – К вечеру я и сама испугалась того, что сделала. Позвонила подруге. Она сказала: дескать, если я заберу Диму в тот же день, то эффект от всего спектакля пропадёт. И посоветовала мне поддержать Диму в клинике до следующей пятницы.

– Так вы упекли своего сына в психушку? На сколько дней? – выпрашивал я, хотя это уже не имело никакого диагностического значения.

– На пять дней, – ответила она.

– А были ли у ваших родственников или у родственников вашего мужа какие-нибудь психические заболевания?

– Не было.

– Очень жаль, что не было, – сказал я. – Тогда срочно сделайте вашему ребёнку... Вашему старшему ребёнку – рентген лёгких. И томограмму. Иначе я буду считать, что в вашей семье проблемы с головой не только у вашего сына.

.....

– Обязательно нужно было хамить пациентке? – спросил Грачёв. – Она накатила на тебя жалобу.

– А хоть бы и в суд подала, – сказал я. – Зато у нас на руках есть исследования, которые она никогда бы не сделала своему сыну, если бы я на неё не надавил.

Мне было чем гордиться. На рентгенограмме и томограмме кое-что нашлось. И это кое-что полностью переворачивало картину диагноза.

– В правом лёгком обнаружена округлая тень...

– Скорее всего, опухоль, – сказал я. – Если бы абсцесс, в крови были бы лейкоциты.

– То есть никакая у него не астма, – сказал Грачёв.

– Бронхоспазмы связаны с опухолью, – предположил я.

Грачёв выложил передо мной ещё какие-то бумаги.

– Я тут посмотрел, чем его лечили... – он ткнул в какую-то бумажку. – Ему дали препарат с высоким содержанием гормонов. Странно, что аллерголог, который делал назначения, не поменял лечение при отсутствии эффекта.

– Грачёв, – сказал я. – Ты, наверное, забыл. Я давно уже не помню ни одной дозировки. Я ничего не назначаю.

– Да понимаю я... – Грачёв в задумчивости щёлкал авторучкой.

– Слушай... – осенило меня, – а гормональные препараты могли повлиять на надпочечники?

Грачёв развёл руками.

– Ингаляторы? Вряд ли.

– А если парень принимал анаболики?

– В тринадцать лет? – засомневался Андрюха.

– Пошёл и купил в любом магазине спортивного питания... Или заказал на китайском сайте какую-нибудь добавку, – рассуждал я. – У него тренировки каждый день, а он ещё и учиться успевает. Откуда силы берёт?

– Логично, – сказал Грачёв. – И если он пил такие препараты, то не факт, что в лёгких у него опухоль.

– Ну да, – сказал я. – Иммуносупрессорный эффект стероидов¹³. Значит, в лёгких может быть и абсцесс. Вот тебе и расстройство личности.

– У кого?

– Да у ребёнка же.

– А я думал, у мамыши, – усмехнулся Грачёв.

– У мамыши синдром ватрушки, – сказал я. – Вместо мозга творог.

Грачёв покачал головой.

– А могли его приступы возникнуть на фоне посттравматического синдрома? – спросил я.

– Психиатры так и записали... – Грачёв снова полез в бумаги. – И мать вроде бы соглашается с написанным. Но парень настаивает на своём. Говорит, ударов по голове у него не было за всю карьеру бомбардира. Ну разве что шайба два-

---

¹³ *Иммуносупрессия* – подавление иммунитета. Возникает только при длительном и бессистемном приёме стероидных препаратов.

жды выбила зубы.

Потом я узнал, что с Ломаным всё было именно так. Конечно, пацан баловался белковыми препаратами, содержащими гормоны. Принимал их не системно, но ему хватало, чтобы справляться с нагрузкой и нарастить мышечную массу. А также создать иммуносупрессорный эффект, минимальный, но всё же позволяющий организму не распознать очаг воспаления в бронхе. А ещё на фоне естественных подростковых гормональных выбросов гормоносодержащие добавки чисто теоретически могли вызывать спонтанные психические реакции, подобные той, которая и привела парня вместо московских соревнований в банальную психушку. Случай, прямо скажем, из разряда медицинской казуистики, но в одном английском журнале я как раз недавно прочитал статью о том, что гормоносодержащие добавки могут давать все эти эффекты.

Это только часть истории. Всё остальное мне рассказал сам Ломаный.

Абсцесс удалили, и через полгода после операции Димка снова стал появляться на льду. Понятия не имею, как он справлялся без стероидов, но он, несомненно, был талантлив. А талант вызывает у меня уважение. Не то чтобы я внезапно полюбил хоккей, однако время от времени стал следить за графиком соревнований юниоров. Наверное, так и

становятся болельщиками. И к тому же стадион «Спартак» построили чуть ли не под моими окнами.

Выходя с одной их игры, я остановился покурить снаружи спорткомплекса. Игра выдалась слабоватой, противники команды Ломаного передвигались по полю, что шкафы на колёсах.

Дима заметил меня и подошёл вразвалку, протянув мокрую ещё пятерню.

– Здорóво, звезда, – сказал я. – Пришёл погреться в лучах твоей славы.

– Неинтересный матч, – нахмурился Ломаный. – Лучше в следующие выходные приходите. Будут ребята из Сибири.

– В следующие выходные работаю. А про сегодняшнее... Ну что ж, победа есть победа. Как ни верти.

– Победы расслабляют, – заметил Димка. – А я вам рад. Он улыбнулся, и я обратил внимание на его передние зубы – ровные, без сколов.

– С новым зубом тебя!

– Спасибо, Юриваныч, – ответил он. – А вы в курсе? Это зуб тогда у меня в бронхе застрял!

– Погоди... Как зуб?

– Ну, после бронхоскопии уже стало понятно. Внутри гнойника был кусок того самого, переднего, который я сломал три года назад.

– Сломал и вдохнул, что ли? И не заметил?

– Ну, игра была... – он пожал плечами. – Не помню, как

всё произошло.

– И зуб закупорил очень маленький бронх.

– Наверное, – Дима развёл руками.

Я хотел было спросить, как у него дома, что с мамой, с братом, но ни о чём не спросил.

– Приходи на эхо, – сказал я. – Твоё сердце надо смотреть раз в год.

– Ладно! – сказал он и, отойдя на несколько шагов, крикнул: – Пока, Юриваныч!

Вот, значит, как. Открытое овальное окно здесь вообще ни при чём. Инородное тело бронха. Надпочечниковые кризы. Рефлекторный бронхоспазм. И пять дней в психиатрической клинике.

Как всё-таки хорошо, что я в своё время развёлся с женой, что мой сын Сашка рос в спокойной семье, а его здоровье почти всегда (исключая случай с аппендицитом) находилось под моим контролем, да и детство прошло без криков и истерик, без беготни с ножами и психиатрической бригады. Впрочем, насчёт последнего я не зарекаюсь. С другой стороны, я постараюсь сделать всё, чтобы Сашке никогда не пришлось вызывать по мою душу санитаров. Если мне суждено повторить опыт мамы Нади, пусть рядом будет кто-нибудь другой, а не Сашка.

Кстати, Погодину я отомстил. Нельзя же было оставить его поступок безнаказанным.

Я долго думал, что бы такое преподнести человеку, пре-

небрегающему коллегиальной этикой и не доверяющему диагнозам специалиста. Мазать суперклеем пол в его кабинете было как-то мелко. Я мог, конечно, навести справки и собрать компромат, который бы весьма невыгодно высвечивал погодинское поведение в свободное от работы время; информацию несложно было передать его жене, но при одной мысли о такой банальщине мне становилось стыдно. Я придумал нечто получше.

Понадобились только лазерный принтер, новый картридж и «Снегурочка» А4. Три банки клея, кисточка и несколько свободных часов в тёмное время суток.

И вот когда все мы приехали утром на работу, двери нашей клиники и арка на въезде во двор, а также дома прилежащего к нему квартала, до самой станции метро, автобусная остановка, стеклянная будка «Цветы» напротив входа в подземку, стены в подземном переходе – все вертикальные поверхности были обклеены листами с качественной фотографией доктора Погодина. На листовках было написано:

«Разыскивается худший доктор города Санкт-Петербурга, Погодин Максим Сергеевич, терапевт и семейный врач. Согласно независимому расследованию за последние полгода у доктора Погодина умерло четырнадцать пациентов, каждый из которых ежемесячно и регулярно посещал Погодина и своевременно оплачивал лечение. По данным экспертизы, доктор Погодин М. С. упустил четыре случая злокаче-

ственных опухолей; терапия была назначена несвоевременно. Погодиным М. С. были допущены ошибки в дозировках и режиме назначения сильнодействующих лекарственных средств. Уважаемые граждане! Будьте бдительны! Доверяйте своё здоровье профессионалам!»

Грачёв, обнаружив чудовищное содержимое листовки и оценив масштаб поражения, схватился за голову и от греха подальше отправил Погодина в административный отпуск. Пациенты клиники обращались к администраторам и требовали, чтобы врач, упоминавшийся в листовке, не смел подходить к ним на пушечный выстрел. Погодину пришлось залечь на дно, а вскоре и совсем уволиться. Про эту историю даже рассказывали в местных «Новостях».

Поначалу Грачёв подозревал меня и несколько раз вызывал на разговор, но у него не было никаких доказательств, и вскоре инцидент сошёл на нет.

Четвёртая моя беседа с Э. Д

– У вас поменялся подход. На свою первую пациентку вы извели всю аптеку отделения, а у хоккеиста – занизили параметры.

– И о чём это говорит? Хотите сказать, мои мозговые функции слабеют?

– Нет. Просто вы придерживаетесь практики врачебного невмешательства.

– Это плохо?

– Почему же. Я тоже так работаю. Да, кстати, сегодня вас выпишут из отделения.

– Что?

– Можете идти домой.

– Но здесь меня даже толком не лечили.

– Вас не нужно лечить. Меньше вколол – больше помог.

– А если я выйду и... Ну вы поняли.

– Андрей Николаевич отправил вас в административный отпуск. В ближайшее время вам не следует появляться в его клинике. Ваше резюме – в чёрном списке. Считайте, что вы отстранены от врачебной деятельности. Не беспокойтесь, никакого уголовного дела на вас не заведено. Но вы свободны.

– Бред какой-то.

– Не хотите отсюда уходить?

– Да хоть сейчас бы сбежал.

– Так идите.

– И это называется добиваться результата?

М о л ч а н и е

– Вы садистка. Вы меня измучили. Отказываетесь меня лечить.

– Не отказываюсь. Просто сказала, что отпускаю вас.

М о л ч а н и е

– Я не хочу возвращаться домой.

– Съездите куда-нибудь. Путешествуйте. Отдыхайте.

– Самолётами не летаю. А всю Ленобласть давно уже объездил.

– Во времена Гоголя не было самолётов. И всё-таки он придумал, как доехать до Рима. На перекладных. Не размышляли о таком варианте?

– Не хочу никуда ехать.

– Очень зря. Когда-нибудь расскажу вам про Италию. Я была в Риме несколько раз и надеюсь поехать туда следующей весной. Солнце, спагеттерии под зонтиками, Форум, Капитолий. Представьте себе: вы просыпаетесь утром под звон колоколов в маленькой студии. Подходите к окну – а там сплошные крыши и купола, залитые солнцем. В Риме можно сесть на поезд и поехать на север, в Венецию. Или на юг, в Неаполь.

– Мне станет плохо в пути. И никто не поможет.

– Выучите итальянский.

– Издеваетесь.

– Нет. Предлагаю подумать. Помечтать.

– А сейчас мне что делать?

– Что хотите. С сегодняшнего дня ваши упражнения в письме – дело абсолютно добровольное.

– Кто же будет читать добровольное моё письмо?

– Вы будете приносить мне написанное, если пожелаете.

– Да.

– Как вы сказали?

– Согласен. Сколько стоит ваша консультация?

– Все расценки – официальные. Не дороже, чем в других клиниках по городу.

– Можно присылать вам тексты по электронной почте?

– Хорошо. Тогда через неделю жду следующую историю.

– Про что?

– Про что захотите. По случаю выхода из больницы хочу дать вам побольше свободы.

– Попробую.

– Надо сказать сестре-хозяйке, она приготовит ваши вещи.

– Вы мне дадите выписку?

– Конечно.

Задание 5

Труп

Из коробки №S-55/2-ЮХ

Приблиз. 2000 г.

Я тогда ещё работал в больнице, но уже в отделении лучевой диагностики.

К общей связке ключей, которые я всегда таскал с собой, у меня был прицеплен и ключ от рабочего кабинета (дубликат, чтобы не заглядывать к старшей сестре).

Однажды я поднялся на этаж и открыл дверь, возле которой с раннего утра толпились мои подопечные. Переоделся в свежий халат, бросил взгляд на список из двадцати двух человек и, наконец, отодвинул ширму, которой была отгорожена кушетка. На кушетке торжественно и неподвижно лежал труп.

Женщина, крупная, с неаккуратно заколотыми кверху седыми волосами, сползающими к лицу. В полутьме выделялись желтоватые скулы, серые рельефные губы и большой горбатый нос. Труп был одет в весёленький больничный халат синего цвета, а из-под халата торчали плотные кое-как заштопанные чулки. Глаза у трупа были открыты, и левый смотрел непосредственно на меня.

От неожиданности я отпрянул, и ширма, стоящая сзади,

грохнулась на пол. Я кинулся её поднимать, но зацепил ногою стул, и тот тоже упал. Труп наблюдал за всем происходящим своим неподвижным левым глазом и делал вид, что он тут ни при чём.

В кабинет постучали. Я кинулся к двери.

За дверью скопилась очередь. Первым был мужик из урологии.

– Доктор, можно? Я на восемь тридцать.

Это был первый пациент на УЗИ простаты. Конечно же, подготовленный – с полным мочевым пузырём.

Я взял себя в руки и сказал ему, что приём задерживается. Мой голос прозвучал неуверенно. Пока я откашливался, возмущённый мужик попытался проникнуть в кабинет.

– Как задерживается? – сказал он. – Я тут, в коридоре, не выдержу. Подтирать за мной будете.

Но я закрыл перед мужиком дверь.

В тусклом глазе трупа промелькнула благодарность.

Я бросился к телефону. По местной линии во всех отделениях мне отвечали только длинные гудки: общая так называемая пятиминутка (которая обычно длилась полчаса или больше) ещё не закончилась, и часть врачей сидела в конференц-зале главного корпуса, а вторая часть принимала смену. Мобильник Мадины Павловны, нашей заведующей, был вообще выключен. Дверь кабинета снова забилась в истерику. Я живо представил себе, что творится снаружи. Наверняка там трое или четверо голодных больных людей, и все

они еле-еле добрались на четвёртый этаж. Понятно, что сейчас они меня порвут, и пойдут мои клочки по больничным закоулочкам.

– Я с диабетом! – кто-то кричал, прикинув к замочной скважине. – У меня еда по расписанию!

Я снова бросился обрывать телефон заведующей.

– Какой труп? – слышался, наконец, в трубке голос Мадины. – У вас что, пациент умер на кушетке?

– На кушетке! – радостно закричал я. – Не у меня! Умер сам по себе, без моего, так сказать, вмешательства.

– Окей, – сказала Мадина. – Подождите, я скоро вернусь с летучки.

– Но я не могу вести приём! – орал я в трубку.

– Почему? – недоумевала начальница.

– Потому что у меня в кабинете! – вопил я. – Лежит! Мёртвый! Человек!

На том конце провода повисло недолгое молчание.

– Ну так сдвиньте его куда-нибудь, – в речи начальницы уже звучало раздражение, – и продолжайте работать.

Она отключилась, а я, зарывав, сунул мобильный в карман халата и снова шагнул к кушетке.

Даже если бы я очень хотел, то никак бы её не сдвинул. Старуха весила килограммов сто двадцать, не меньше, а у меня в спине жила нелеченая грыжа. К тому же я оказался единственным свидетелем того, что тётка умерла в моём кабинете без моей непосредственной помощи. Трогать её было

нельзя.

В дверь снова заколотили.

– Вот это да! – присвистнул Андрюха. С неожиданным восхищением он рассматривал мою подопечную. Андрюха прибежал из отделения интенсивной терапии, с третьего этажа, потому что дозвониться до меня (ещё бы!) оказалось невозможно.

– Давай-ка я тебе пришлю эскорт, – и мы её, болезную, командидуем в мордор, – сказал он, быстро смекнув, какую может извлечь пользу из происходящего. – А взамен ты посмотришь почки одному моему экстренному. Позарез нужно, брат.

И Андрюха достал из нагрудного кармашка мобильник. Я подпрыгнул к нему и выхватил телефон.

– Охренел, да? – выпучил глаза Андрюха, но я уже вытолкнул его наружу и щёлкнул замком.

Минут через десять после того, как я набрал на мобильном «ноль два», в дверь снова постучали.

Это была Мадина.

Про Мадину следует сказать особо. Бывают женщины, на которых одно удовольствие смотреть, но только когда ты находишься на приличном расстоянии. Всё вроде бы при них – и грудь, и фигура: вот у Мадины, например, были тёмные волосы, смуглая кожа и глаза с радужками опалового цвета, но для меня в её красоте скрывалось что-то пугающее, неприятное. Похожий типаж я видел в одном детском филь-

ме – актриса играла волшебную птицу с женской головой и телом, покрытым перьями. Жуткое зрелище. Примерно такой была и Мадина. Заведующей лучевиками её поставили недавно. По профессии Мадина была рентгенологом, но целила выше: ждала, когда в больнице установят томограф.

– Для чего милицию-то вызвал?! – она стояла посреди кабинета и растерянно хлопала глазами. – Теперь дерьма не оберёмся. Не мог, что ли, на местном уровне всё решить?

– Я пытался на местном, – буркнул я. – Все требуют убрать труп. Только никто из заведующих не признаётся, чей он, кто лечащий врач и с какой стати эта тётка оказалась в моём рабочем кабинете.

Мадина всплеснула руками. Её серебряные перстни звякнули в воздухе.

– Ну уж разобрались бы как-нибудь! Мне главврач уже головомойку устроила.

– Мне тоже.

– В первой кардиологии у одной твоей пациентки фибрилляция началась. Якобы из-за того, что ей вовремя не было сделано эхо.

– Знаете что? – обозлился я. – Лечить надо вовремя, и никакой тогда не будет фибрилляции! А если в башке пусто, то и в больнице бардак: вон, трупы по углам валяются.

Моя подопечная в халате с васильками довольно слушала наши препирания со своей кушетки. Она, кажется, могла бы мной гордиться. Заведующая посмотрела на неё, потом сно-

ва на меня, махнула рукой и уже в дверях сказала, подчёркнуто выкая:

– Ну, как хотите. Всю ответственность теперь понесёте сами.

Может, это она не мне одному сказала, а нам обоим. Ну, то есть мне и труп.

Мадина ушла, а я опустился на стул возле аппарата. Снова зазвонил телефон, но трубку я не взял. Телефон ещё немного потрезвонил и унялся.

Я сидел и думал о том, о чём вообще-то врачам не свойственно думать. Ведь существуют такие вещи, которые мы считаем само собой разумеющимися. Трупы в анатомичке на первом и третьем курсах нас должны были отучить от любой сентиментальности. А я сейчас запер дверь и сижу рядом с чужой мёртвой тёткой, у которой пузо выше подоконника и нос торчит словно телебашня. И пока я не установлю, кому принадлежит этот нос, – дверь я не отопру. Так-то. И будет дух моей товарки по несчастью болтаться в моём маленьком душном кабинете, между полом и потолком, и никаким ультразвуком его отсюда не вытравишь. В том, что я здесь не один и в кабинете присутствует тёткин дух, я был абсолютно уверен. Хотя, возможно, я настолько рьяно защищал неприкосновенность чужого тела, что нехотя сроднился с ним и в силу обстоятельств наделил его повторно... Тьфу, что за чушь иногда лезет в голову.

Но рабочий день шёл, а труп никто не увозил. Времени

была уйма, и мне ничего не оставалось, кроме как бродить вокруг да около кушетки. Заняться было нечем, одолевали мысли и воспоминания. И ещё меня очень раздражали пегие завитки, выбившиеся из причёски моей подопечной. Я подумал, поглядел так и этак, потом достал из стаканчика с канцелярскими приборами металлические больничные ножницы и машинально – щёлк-щёлк! – отстриг один длинный завиток, сползающий на кушетку дохлой серой змейкой. Он скользнул на пол, а на его место выползла другая прядка, и её я тоже – щёлк! – и отстриг. Прядка упала на пол рядом с предыдущей, свернувшись кольцом.

Я так увлёкся стрижкой, что уже и забыл про милицию. Вспомнил про неё, когда уже выстриг клиентке чуть ли не полголовы. В груди моей похолодело, я заметался и не придумал ничего лучше, чем смести волосы на бумажку, завернуть бумажку в пакет и спрятать его в карман своего пуховика. Выберусь – выброшу.

Когда приехала милиция, в коридоре около моих владений собралась, как говорится, вся королевская рать. В кабинет они вошли друг за другом: чувак в форме, главврач, оба зама и почему-то завхоз Николай Николаевич. В узкую щель между завхозом и дверным косяком, поджавшись, протиснулись Мадина и зав. кардиологией Еремия Ивановна, в просторечье Ере-ванна, которая, оказывается, наконец-то признала бесхозную пациентку за своим отделением.

– И точно, наша, – сказала Ереванна. – Пациентка Вольф,

Марина Степановна. Известная писательница. Мы только сейчас обнаружили пустую палату.

Потрясаемая историей болезни и пытаясь обращаться одновременно к милиционеру и главврачу, Ереванна сумбурно объясняла, что, дескать, лечащий врач пациентки Вольф, как назло, сегодня весь день в отгуле. Если б не отгул, говорила она, в отделении давно бы хватились пострадавшей.

Милицейский чин забрал историю, попросил Ереванну остаться в кабинете, то же самое потребовалось и от меня, а все остальные нехотя удалились. Испуганную докторшу колотило, она теребила пухлыми пальчиками золотой крестик, висевший у неё на шее. Нас о чём-то спрашивали, я рассказал мужику в форме, как было дело, написал бумагу, был осмотрен и отправлен домой до востребования. Я угрюмо кивнул и, уходя, бросил взгляд на нашу панночку. «Как вы достали меня, идиоты», – говорил весь её измученный вид. Кабинет опечатали до послезавтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.